

Обсуждаем постановление ЕСПЧ

Постановление Большой палаты ЕСПЧ по делу «Котов против России» стало первым случаем пересмотра решения Палаты, принятого против Российской Федерации, и полного отказа в удовлетворении жалобы заявителя. Основной вывод, к которому пришел Суд, состоит в том, что Российской Федерации не несет ответственности за действия арбитражных управляющих, поскольку последние не осуществляют публичные функции и находятся вне полноценного государственного контроля.

Постановление комментируют Г.О. Матюшкин, Е.А. Куделич, С.А. Голубок, С.В. Усокин, О.Р. Зайцев, Р.Т. Мифтахутдинов, А.В. Юхнин.

Европейский суд по правам человека

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

Дело «Котов против России»¹ (Жалоба № 54522/00) ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА Страсбург, 3 апреля 2012 года

По делу «Котов против России» Европейский суд по правам человека, заседая Большой палатой, в состав которой вошли:

Николас Братца, *Председатель*,
Жан-Поль Коста,
Жозэп Касадеваль,
Корнелиу Бирсан,
Пер Лоренсен,
Карел Юнгвирт,
Элизабет Фура,
Альвина Гюлумян,
Эгберт Мийер,
Данутэ Йочиенэ,
Драголюб Попович,
Джиорджио Малинверни,
Георг Николау,
Энн Пауэр-Форде,

¹

Неофициальный перевод предоставлен Аппаратом уполномоченного при Европейском суде по правам человека.

Кристина Пардалос,
Гвидо Раймонди, *судьи*,
Андрей Бушев, *судья ad hoc*,
а также Иохан Каллевэрт, *заместитель секретаря Большой палаты*,

проводя 12 января 2011 года, 23 июля 2011 года и 22 февраля 2012 года совещания по делу за закрытыми дверями,

в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

Процедура

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 54522/00) против Российской Федерации, поступившей в Европейский суд по правам человека согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) от гражданина России Владимира Михайловича Котова (далее — заявитель) 17 ноября 1999 года.
2. В ходе разбирательства в Палате заявителю была предоставлена возможность самому представлять свои интересы. В ходе разбирательства в Большой палате заявителю была предоставлена правовая помощь. Его интересы представляли адвокаты г-жа Эванс и г-н Боулинг, практикующие в Соединенном Королевстве, и адвокат г-н Хасанов, практикующий в Российской Федерации.
3. Интересы властей Российской Федерации (далее — Власти) были представлены П. Лаптевым и впоследствии Г. Матюшкиным — бывшим и текущим уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека соответственно.
4. Заявитель утверждал, в частности, что он не смог вернуть деньги, причитающиеся ему в связи с ликвидацией частного банка.
5. Жалоба была передана на рассмотрение первой секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Внутри этой секции на основании пункта 1 правила 26 Регламента Европейского суда была образована Палата для рассмотрения данного дела (бывший пункт 1 статьи 27 Конвенции, в настоящее время статья 26).
6. 4 мая 2006 года жалоба была признана частично приемлемой для рассмотрения Палатой. Власти представили дополнительные замечания в письменном виде (пункт 1 Правила 59). Заявитель дополнительных замечаний не представил.
7. 14 января 2010 года Палата первой секции Суда, в состав которой вошли: Христос Розакис, Нина Вайич, Анатолий Ковлер, Элизабет Штайнер, Ханлар Гаджиев, Дин Шпильманн и Сверре Эрик Йебенс, при участии Сорена Нильсена, секретаря секции, вынесла свое постановление. Палата единогласно постановила, что по делу было допущено нарушение статьи 1 Протокола № 1 по той причине, что заявитель в связи с незаконными действиями конкурсного управляющего банка не получил денежных средств, причитающихся ему со стороны банка в соответствии с предусмотренным законом принципом пропорционального распределения активов

между кредиторами равной очереди. Суд не присудил какой-либо суммы в соответствии со статьей 41 Конвенции, поскольку заявитель не представил никаких требований в данном отношении.

8. 9 апреля 2010 года Власти в соответствии со статьей 43 Конвенции и правилом 73 Регламента Суда обратились с просьбой о том, чтобы дело было передано в Большую палату Суда. 28 июня 2010 года Коллегия Большой палаты удовлетворила их просьбу.
9. Состав Большой палаты был определен в соответствии с положениями бывших пунктов 2 и 3 статьи 27 (в настоящее время — пункты 4 и 5 статьи 26) Конвенции и правила 24 Регламента Суда.
10. Заявитель и Власти представили свои замечания по существу дела в письменном виде.
11. 12 января 2011 года во Дворце прав человека в Страсбурге состоялось открытое слушание дела (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В заседании Европейского суда приняли участие:

- (a) *со стороны Властей* —
Г. Матюшкин,
уполномоченный Российской Федерации при Европейском суде по правам человека — *представитель государства*,
О. Сироткина,
Е. Куделич,
Д. Шишкен, *советники*;
- (б) *со стороны заявителя* —
Дж. Эванс, *адвокат*,
Б. Боуринг,
М. Хасанов, *советники*.

Суд заслушал выступления Дж. Эванс, Б. Боуринга, М. Хасанова и Г. Матюшкина.

Факты

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

12. Заявитель родился в 1948 году и проживает в городе Краснодаре.
- A. **Судебное разбирательство в отношении банка о возврате средств, размещенных на счетах**
13. 15 апреля 1994 года заявитель положил средства на сберегательный вклад в коммерческом банке «ЮРАК»² (далее — банк). После изменения банком процентной

² Коммерческий акционерный банк «Южно-российская агропромышленная компания» (КАБ «ЮРАК»).

ставки заявитель в августе 1994 года потребовал закрыть его счет, но банк проинформировал его о невозможности возврата ему основной суммы вклада, равно как и причитающихся ему процентов, ввиду отсутствия у банка денежных средств. Заявитель подал судебный иск к банку, требуя выплатить ему основную сумму вклада, сумму процентов, штрафную пеню и компенсацию имущественного ущерба и морального вреда.

14. 20 февраля 1995 года Октябрьский районный суд города Краснодара принял решение о частичном удовлетворении требований заявителя и обязал банк выплатить заявителю 10 156 рублей (что включало сумму вклада, проценты, а также компенсацию имущественного ущерба и морального вреда). Это решение было оставлено без изменения и вступило в силу 21 марта 1995 года. Определением Октябрьского районного суда от 5 апреля 1996 года вышеупомянутая сумма была пересчитана с учетом инфляции и увеличена до 17 983 рублей.
15. Тем временем 16 июня 1995 года по требованию Центрального банка РФ и Сберегательного банка России Арбитражный суд Краснодарского края объявил банк банкротом. 19 июля 1995 года определением того же суда была начата процедура банкротства и для осуществления необходимых действий в рамках конкурсного производства был назначен конкурсный управляющий³.

B. Распределение активов банка

16. 11 января 1996 года арбитражный суд⁴ утвердил предварительный ликвидационный баланс по финансовому состоянию на 28 декабря 1995 года. В результате реализации активов банка на его счет поступило 2 305 000 рублей. Согласно позиции Властей банк имел задолженность перед 7567 кредиторами первой очереди, сумма требований которых составляла 24 875 000 рублей.
17. Согласно закону, определявшему порядок распределения активов несостоительных предприятий, заявитель относился к кредиторам первой очереди, требования которых подлежали удовлетворению раньше всех прочих. Однако 18 января и 13 марта 1996 года комитет кредиторов банка создал особую группу «привилегированных» кредиторов среди кредиторов первой очереди. В эту привилегированную группу вошли инвалиды, ветераны войны, нуждающиеся лица и лица, активно участвовавшие в конкурсном производстве в отношении банка. Требования этих лиц должны были быть удовлетворены в полном объеме раньше, чем требования иных кредиторов, относящихся к той же очереди (первой). В результате этого почти все средства, полученные в ходе конкурсного производства, были использованы для удовлетворения требований «привилегированных» кредиторов: конкурсный управляющий выплатил им 100% сумм, которые им причитались. 6 апреля 1998 года заявитель получил 140 рублей (т.е. менее 1% от суммы в 17 983 рубля, которую ему был должен выплатить банк согласно определению суда от 1996 года).

³ Здесь и далее судебные акты арбитражных судов приводятся в соответствии с материалами дела № 8-Б-4/95; суд первой инстанции – Арбитражный суд Краснодарского края, суд апелляционной инстанции – апелляционная инстанция Арбитражного суда Краснодарского края, суд кассационной инстанции – Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа.

⁴ Арбитражный суд Краснодарского края.

C. Первое судебное разбирательство в отношении конкурсного управляющего

18. 22 апреля 1998 года заявитель оспорил в арбитражном суде⁵ возмещение другим кредиторам 100% причитающихся сумм, в то время как он, кредитор первой очереди, получил менее 1% требуемой суммы. Ссылаясь на статьи 15 и 30 Закона о несостоятельности (банкротстве) предприятий 1992 года⁶ (Закон 1992 года), он утверждал, что относится к той же категории «привилегированных» кредиторов и что активы банка должны быть распределены равномерно. Он требовал возмещения оставшейся части суммы, причитавшейся ему, в соответствии с принципом пропорционального распределения активов банка между кредиторами одной очереди.
19. 6 июля 1998 года суд первой инстанции принял определение об отказе в удовлетворении требований заявителя. 26 августа 1998 года апелляционная инстанция Арбитражного суда Краснодарского края отменила решение суда первой инстанции и постановила, что при принятии решения о возмещении в размере 100% определенной категории кредиторов комитет кредиторов вышел за пределы своей компетенции, установленные статьей 23 Закона 1992 года. Исполняя это решение и распределяя активы в размере 100% в пользу «привилегированных» кредиторов, конкурсный управляющий, в свою очередь, нарушил требования статей 15 и 30 указанного Закона. Напомнив, что статья 30 этого Закона не допускала расширительного толкования своих положений, суд обязал конкурсного управляющего в месячный срок исправить выявленные нарушения и сообщить суду о принятых для этого мерах.
20. Конкурсный управляющий обжаловал это постановление в кассационном порядке в Федеральном арбитражном суде Северо-Кавказского округа, утверждая, что он осуществлял распределение активов в соответствии с решением комитета кредиторов, что это распределение соответствовало статье 64 Гражданского кодекса РФ и что, следовательно, оно не противоречило статье 30 Закона 1992 года. 12 ноября 1998 года его кассационная жалоба была отклонена. Оставляя в силе решение от 26 августа 1998 года, суд кассационной инстанции уточнил, что конкурсный управляющий не должен был исполнять решение комитета кредиторов, принятое в нарушение закона.
21. Представляется, что исполнение решения от 26 августа 1998 года (оставленного в силе судом последней инстанции 12 ноября 1998 года), и в частности восстановление финансового положения заявителя, оказалось невозможным в силу отсутствия активов у банка.

D. Второе судебное разбирательство в отношении конкурсного управляющего

22. Поскольку решение от 26 августа 1998 года не исполнялось, заявитель 2 сентября 1998 года подал жалобу в арбитражный суд (которую он впоследствии дополнил жалобой от 27 января 1999 года). Он требовал, чтобы конкурсный управляющий

⁵ Видимо, речь идет о жалобе, поданной заявителем 24 февраля 1998 года в Арбитражный суд Краснодарского края к ликвидационной комиссии КАБ «ЮРАК» (с требованием обязать конкурсного управляющего восстановить нарушенные права и законные интересы заявителя).

⁶ Закон РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

лично выплатил ему оставшуюся часть проиндексированной суммы его обязательственного требования в размере 17 983 рублей, основываясь на судебном решении 1995 года, с процентами по вкладу, а также возместил ему моральный ущерб и потерю времени, выплатив сумму в 22 844 рубля.

23. 4 февраля 1999 года Арбитражный суд Краснодарского края принял определение об отклонении жалобы заявителя. Его требования были рассмотрены в рамках процедуры банкротства, начатой в отношении банка; в рамках той же процедуры суд исследовал баланс банка, представленный конкурсным управляющим. Представитель Центрального банка РФ присутствовал на слушаниях. Арбитражный суд установил, что 20 февраля 1995 года и 5 апреля 1996 года Октябрьский районный суд уже принимал решения о выплате заявителю 17 983 рублей в счет суммы его вклада, причиненного ущерба и процентов и что суд не мог повторно вынести решение по тому же вопросу. Арбитражный суд Краснодарского края установил также, что заявитель был указан в списке кредиторов под номером 519 и относительно самой суммы вклада банк должен был выплатить заявителю остаточную сумму в размере 8813 рублей. Суд отметил, что эта сумма могла быть выплачена заявителю в соответствии с условиями, установленными статьей 64 Гражданского кодекса РФ. Кроме того, суд отклонил его требования о компенсации за потерю времени, поскольку законодательство не предусматривало возможности выплаты такой компенсации. Наконец, заявитель «не доказал того, что убытки были причинены действиями конкурсного управляющего».
24. 31 марта 1999 года апелляционная инстанция Арбитражного суда Краснодарского края оставила в силе решение от 4 февраля 1999 года. Апелляционный суд постановил в первую очередь, что требования заявителя к конкурсному управляющему были «обоснованными требованиями, рассмотренными судом первой инстанции и... были правомерно отклонены». Апелляционный суд обосновал свое постановление следующим образом:

«Действующее законодательство не предусматривает возможности удовлетворения требований, возникших не в период деятельности банка, а лишь в период конкурсного производства... Что касается несостоятельности банка, его долговые обязательства объявляются причитающимися к оплате, но конкурсное производство открывается с целью накопления активов, которые должны быть распределены соразмерно долгам перед кредиторами, возникшим до банкротства.

Кроме того, право [заявителя] на получение возмещения [суммы, присужденной судом первой инстанции] от банка уже существует, поэтому удовлетворение его требований [в отношении конкурсного управляющего] приведет к повторному предоставлению компенсации на ту же сумму, но на сей раз в виде возмещения понесенного ущерба, что было бы необоснованным.

[В решении суда первой инстанции заявителю] уже была присуждена компенсация морального вреда, и, в свете вышесказанного, аналогичная компенсация за последующий период не может быть присуждена.

Существующие положения гражданского законодательства не предусматривают предоставления компенсации за потерю времени.

Апелляционный суд также принимает во внимание тот факт, что невыплата суммы [причитающейся заявителю] является результатом отсутствия [средств], поскольку в соответствии с решением суда апелляционной инстанции от 26 августа 1998 года... активы банка в процессе ликвидации не увеличились... как следует из отчета, представленного арбитражным управляющим в отношении работы ликвидационной комиссии, и документов, прилагаемых к отчету».

25. Заявитель подал кассационную жалобу на данное постановление. 9 июня 1999 года Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа отклонил поданную заявителем кассационную жалобу на следующих основаниях:

«Решение комитета кредиторов и действия конкурсного управляющего (...) действительно нарушили принцип соразмерного удовлетворения требований кредиторов одной очереди, но не причинили заявителю убытков во взыскиаемой им сумме, поскольку удовлетворение конкурсным управляющим требований всех кредиторов первой очереди в полном объеме было невозможно в связи с недостаточностью конкурсной массы. Расчет суммы, выплаченной заявителю, производился пропорционально причитающейся ему задолженности и с учетом суммы, поступившей в конкурсную массу на день выплаты. Принимая во внимание, что на момент рассмотрения спора конкурсное производство не завершено, судами первой и апелляционной инстанций обоснованно указано на возможность получения заявителем оставшейся суммы кредиторской задолженности в порядке статьи 64 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Требования о взыскании денежных сумм в возмещение морального вреда и вознаграждения за потерю рабочего времени правомерно отклонены судом как необоснованные по основаниям, приведенным в принятых судебных актах.

С учетом изложенного следует признать, что судами первой и апелляционной инстанций обоснованно отказано в удовлетворении жалобы, оснований для изменения или отмены принятых судебных актов не имеется».

26. 17 июня 1999 года Арбитражный суд Краснодарского края утвердил ликвидационный баланс, представленный конкурсным управляющим и принятый на собрании кредиторов, и вынес определение о завершении конкурсного производства в связи с отсутствием конкурсной массы. Заявитель не предъявлял новых требований к конкурсному управляющему.

E. Надзорное производство

27. После передачи Властям уведомления о подаче жалобы Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ 31 января 2001 года принес протест⁷ на судебные решения от 4 февраля, 31 марта и 9 июня 1999 года для их пересмотра в порядке надзора на том основании, что они были вынесены в нарушение статьи 22 Арбитражного процессуального кодекса, определяющей компетенцию арбитражных судов⁸.

⁷ Вероятно, речь идет о протесте от 31 января 2001 года № 25/01, который принес заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Арифуллин.

⁸ Статья 22 «Подведомственность дел» (АПК РФ от 5 мая 1995 года № 70-ФЗ).

В частности, утверждалось, что рассмотрение жалоб заявителя в отношении конкурсного управляющего в рамках процедуры банкротства, начатой в отношении банка, нарушало положения Закона 1992 года, регулировавшего эту процедуру. Поскольку данные жалобы основывались на требованиях заявителя к конкурсному управляющему, они не были связаны с процедурой банкротства как таковой и заявитель должен был подать их в суды общей юрисдикции. На этих основаниях Председатель⁹ требовал отмены данных решений и прекращения производства по указанным жалобам.

28. 17 апреля 2001 года Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ принял постановление о полном удовлетворении этих требований, сославшись на доводы, приведенные в протесте. Президиум постановил, что у арбитражных судов отсутствовала компетенция для рассмотрения иска, поданного к конкурсному управляющему лично, отменил решение от 1999 года и завершил производство.
29. 1 июня 2001 года заявитель подал в тот же Президиум заявление о пересмотре¹⁰ решения от 17 апреля 2001 года. 4 июля 2001 года это требование было отклонено заместителем Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ как необоснованное.

II. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

A. Присвоение международно-правовой ответственности государствам

30. Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятый Комиссией международного права (КМП) в 2001 году (Ежегодник комиссии международного права (*Yearbook of the International Law Commission*), 2001, том II, часть вторая), а также комментарии к ним кодифицировали принципы, существующие в современном международном праве в отношении ответственности государств за международно-противоправные деяния. В этих комментариях КМП указала среди прочего следующее (см. пункт 6 комментария в главе II):

«При определении того, что является органом государства для целей привлечения к ответственности, внутреннее право и практика каждого государства имеют первостепенное значение. Структура государства и функции его органов, как правило, не регулируются международным правом. Каждое государство само решает, как должна быть устроена его система управления и какие функции должны выполнять органы власти. Однако, хотя государство и остается свободным в определении своей внутренней структуры и функций путем создания своего собственного права и практики, международное право играет определенную роль. Например, поведение ряда институтов, исполняющих публичные функции и осуществляющих публичные полномочия (напр., полиция) присваивается государству, даже если эти институты с точки зрения внутреннего права являются автономными и независимыми от исполнительной власти».

⁹ Вероятно, имеется в виду заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Арифулин.

¹⁰ Имеется в виду заявление о принесении протеста на решение арбитражного суда, с которым лицо, участвовавшее в деле, было вправе обратиться в Высший Арбитражный Суд РФ (статья 134 АПК 1995 года).

31. В своем комментарии КМП описала феномен «парагосударственных организаций». Она отметила следующее (см. пункт 3 комментария к статье 5):

«Тот факт, что организация имеет публичный или частный характер в соответствии с критериями конкретной правовой системы, факт большего или меньшего участия государства в ее капитале, или, шире, в осуществлении имущественных прав на ее имущество, факт неподчинения ее властному контролю – эти критерии не являются решающими для целей присвоения поведения организации государству. Наоборот, в статье 5 [настоящих Статей] выделяется действительно общее свойство таких организаций, выражющееся в том, что эти организации уполномочены, пусть даже только в ограниченном объеме или в специфическом контексте, осуществлять определенные функции государственной власти».

32. КМП также признала следующее:

«Сверх определенного предела содержание понятия «государственный» зависит от конкретного общества, его истории и традиций. Особенное значение имеет не только содержание полномочий, но и способ, которым они предоставляются организации, цели, для которых они должны осуществляться, и степень подотчетности организации государству за осуществление этих полномочий» (см. пункт 6 комментария к статье 5).

В. Процедуры, применяемые в делах о несостоятельности в России

1. *Гражданский кодекс 1994 года¹¹*

33. Согласно статье 63 Гражданского кодекса РФ после окончания срока для предъявления требований кредиторами ликвидационная комиссия составляет промежуточный ликвидационный баланс, который содержит сведения о составе имущества ликвидируемого юридического лица, перечне предъявленных кредиторами требований, а также о результатах их рассмотрения. Промежуточный ликвидационный баланс утверждается органом, принявшим решение о ликвидации юридического лица. Если имеющиеся у ликвидируемого юридического лица денежные средства недостаточны для удовлетворения требований кредиторов, ликвидационная комиссия осуществляет продажу имущества юридического лица с публичных торгов. Выплата денежных сумм кредиторам производится в соответствии с промежуточным ликвидационным балансом, начиная с момента его утверждения, за исключением кредиторов пятой очереди, выплаты которым производятся по истечении месяца со дня утверждения этого баланса. После завершения расчетов с кредиторами ликвидационный баланс составляется и утверждается в том же порядке. При недостаточности активов для удовлетворения требований кредиторов последние вправе обратиться в суд с иском об удовлетворении оставшейся части требований за счет личного имущества собственника этого юридического лица.

¹¹

Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. Здесь и далее положения российских правовых актов, которые Европейский суд цитирует не дословно, приведены с соответствующими сокращениями.

34. Согласно статье 64 Гражданского кодекса РФ в редакции, действовавшей до 20 февраля 1996 года, выделялись пять очередей кредиторов, при этом требования каждой очереди удовлетворялись после полного удовлетворения требований предыдущей очереди. Согласно этой классификации заявитель относился к пятой очереди – «другие кредиторы». В статье 64 не выделялась такая категория кредиторов, как пенсионеры, ветераны войны, нуждающиеся лица или лица, содействовавшие конкурсному управляющему в ведении конкурсного производства.
35. Согласно положениям нового абзаца, введенного в эту статью 20 февраля 1996 года¹², при ликвидации банков или других кредитных учреждений, привлекающих средства граждан, в первую очередь удовлетворяются требования граждан, являющихся кредиторами банков или других кредитных учреждений, привлекающих средства граждан.
36. Статья 64 также устанавливает, что при недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица оно распределяется между кредиторами соответствующей очереди пропорционально суммам требований, подлежащих удовлетворению.
2. *Закон от 19 ноября 1992 года (Закон 1992 года)¹³ о несостоятельности (банкротстве) предприятий (применимый к процедурам банкротства, начатым до 1 марта 1998 года)*
37. Согласно пунктам 1 и 2 статьи 3 Закона 1992 года дела о банкротстве предприятий рассматриваются арбитражными судами в соответствии с правилами, предусмотренными этим Законом, и в случае отсутствия таких правил – в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ.
38. Статья 15 Закона устанавливает: конкурсное производство осуществляется с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов на основе равноправия (*pari passu*) и объявления должника свободным от долгов, а также с целью охраны сторон от неправомерных действий в отношении друг друга.
39. Согласно пункту 2 статьи 18¹⁴ с момента признания должника банкротом и открытия в отношении него конкурсного производства все претензии имущественного характера могут быть предъявлены должнику только в рамках конкурсного производства.
40. Статья 20 перечисляет различных участников конкурсного производства, таких как конкурсный управляющий, собрание кредиторов, комитет кредиторов, кредиторы и т. д. Собрание кредиторов может образовать комитет кредиторов и определить его функции (пункт 2 статьи 23). Европейский суд будет использовать термин «орган кредиторов» в отношении обоих данных органов при необходимости.
41. Орган кредиторов выдвигает кандидатуру на должность конкурсного управляющего для его утверждения арбитражным судом (пункт 2 статьи 23 Закона), который

¹² Федеральным законом от 20 февраля 1996 года № 18-ФЗ.

¹³ Закон РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

¹⁴ По-видимому, Европейским судом допущена опечатка: имеется в виду абзац 2 статьи 18.

затем назначает конкурсного управляющего (статья 19). Согласно пункту 1 статьи 21 конкурсный управляющий выполняет функции управления предприятием-должником, созывает собрание кредиторов, приобретает право распоряжения имуществом должника, осуществляет анализ финансового состояния должника, изучает обоснованность требований кредиторов, признает или отклоняет их, осуществляет действия в рамках конкурсного производства для реализации конкурсной массы, формирует состав ликвидационной комиссии и руководит ее работой.

42. Согласно пункту 2 статьи 21 в сочетании с пунктом 4 статьи 12 кандидат в арбитражные управляющие должен быть экономистом или юристом либо обладать опытом хозяйственной работы. Он должен не иметь судимостей. Кандидатом в арбитражные управляющие не может быть должностное лицо администрации предприятия – должника или кредитора. Кандидат в арбитражные управляющие представляет декларацию о своих доходах и имущественном состоянии.
43. В ситуациях, предусмотренных законом, арбитражный суд проверяет законность всех действий участников конкурсного производства (статья 19). Согласно пункту 3 статьи 21 конкурсный управляющий имеет право обжаловать в арбитражный суд решения органа кредиторов, принятые с нарушением компетенции этого органа.
44. Согласно пункту 1 статьи 27 после истечения двухмесячного срока предъявления претензий кредиторами к должнику конкурсный управляющий составляет список признанных и отклоненных претензий с указанием сумм признанных претензий и очередности их удовлетворения. Этот список должен быть направлен кредиторам в течение двух месяцев.
45. Статья 30 устанавливает определенную очередь распределения конкурсной массы. Требования кредиторов каждой очереди удовлетворяются только после полного погашения требований кредиторов предыдущей очереди (пункт 3). При недостаточности взысканной суммы для полного удовлетворения всех требований кредиторов соответствующей очереди имеющиеся денежные средства будут выплачены им на основе равноправия (*pari passu*) пропорционально сумме, приходящейся каждому из них (пункт 4). Статья 30 не предусматривает такую категорию кредиторов, как инвалиды, ветераны войны, нуждающиеся лица или лица, помогающие конкурсному управляющему. Пункт 1 этой статьи устанавливает, что расходы, связанные с конкурсным производством, выплатой вознаграждений арбитражному и конкурсному управляющим, продолжением функционирования предприятия-должника, покрываются вне очереди.
46. Статья 31 предусматривает возможность для кредитора, считающего, что решение конкурсного управляющего нарушает его права и законные интересы, обратиться в арбитражный суд с соответствующим заявлением.
47. Согласно пункту 3 статьи 35 требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности конкурсной массы, считаются погашенными.
48. Статья 38 устанавливает, что предприятие-должник считается ликвидированным с момента исключения его из соответствующего государственного реестра на основании вынесенного арбитражным судом определения о завершении конкурсного производства.

3. *Федеральные законы от 8 января 1998 года (Закон 1998 года)¹⁵ и от 26 октября 2002 года (Закон 2002 года)¹⁶*
49. 8 января 1998 года был принят новый Закон о несостоятельности (банкротстве) (Закон 1998 года). Он заменил Закон 1992 года и был применим к процедурам банкротства, начатым после 1 марта 1998 года. Пункт 3 статьи 21 Закона 1998 года устанавливал, что кредиторы вправе потребовать от арбитражного управляющего возмещения убытков, причиненных действиями (бездействием) арбитражного управляющего, нарушающими законодательство. Статья 114 предусматривала те же принципы распределения и выплат на основе равноправия (*pari passu*), что и статья 30 Закона 1992 года.
50. Согласно абзацу 7 пункта 1 статьи 98 этого Закона требования к должнику могут быть предъявлены только в рамках конкурсного производства (см. также пункт 2 статьи 18 Закона 1992 года).
51. 26 октября 2002 года был принят новый Закон о несостоятельности (банкротстве). Он заменил Закон 1998 года, и в последующие годы Закон 2002 года претерпел ряд изменений. Пункт 4 статьи 20.4 Закона 2002 года устанавливает, что арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда. Закон 2002 года устанавливает, что профессиональная ответственность арбитражного управляющего должна быть застрахована на случай причинения убытков кредиторам, участвующим в деле о банкротстве (статья 20 Закона). Согласно статьям 32 и 33 дела о банкротстве подведомственны арбитражным судам независимо от статуса кредиторов. Пункт 12 статьи 20 устанавливает, что «споры, связанные с профессиональной деятельностью арбитражного управляющего (...) разрешаются арбитражным судом». Согласно статье 60 Закона кредиторы несостоятельного предприятия могут подать в арбитражный суд жалобу на действия или бездействие арбитражного управляющего в рамках дела о банкротстве.

C. Рассмотрение споров в рамках процедуры банкротства

1. *Законы о несостоятельности (банкротстве) 1992, 1998 годов и Закон о несостоятельности банков 1999 года¹⁷; Арбитражный процессуальный кодекс 1995 года; Гражданский процессуальный кодекс 1964 года*
52. С 1990-х годов судебная система России состоит из трех элементов – суды общей юрисдикции, арбитражные суды и конституционные суды. Согласно пункту 1 статьи 25 Гражданского процессуального кодекса 1964 года (действовавшего в момент появления фактов дела) судам общей юрисдикции подведомственны гражданские

¹⁵ Федеральный закон от 8 января 1998 года № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

¹⁶ Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

¹⁷ Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций».

дела, если хотя бы одной из сторон в споре является физическое лицо (а не юридическое лицо – как, например, предприятие).

53. Арбитражный процессуальный кодекс 1995 года (от 5 мая 1995 года № 70-ФЗ, действовавший в момент появления фактов дела) устанавливал, что арбитражным судам подведомственны «дела по экономическим спорам, возникающим из гражданских, административных и иных правоотношений (...) между юридическими лицами (...) гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющими статус индивидуального предпринимателя...» (пункт 1 статьи 22 Кодекса). Согласно пункту 3 статьи 22 арбитражные суды рассматривают иные дела, в том числе «о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан». Согласно пункту 4 статьи 22 в случаях, установленных самим Кодексом и другими федеральными законами, арбитражному суду подведомственны дела по экономическим спорам и иные дела с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.
54. В статье 31 Арбитражного процессуального кодекса¹⁸ указывалось следующее:
«Должник или кредитор, считающий, что решение конкурсного управляющего нарушает его права и законные интересы, вправе обратиться в арбитражный суд с соответствующим заявлением. По результатам рассмотрения заявления арбитражный суд принимает соответствующее решение».
55. Согласно статье 143 Кодекса дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным настоящим Кодексом, с особенностями, установленными Законом о несостоятельности (банкротстве).
56. Согласно статье 3 Закона о несостоятельности (банкротстве) 1992 года арбитражные суды компетентны рассматривать дела о несостоятельности (банкротстве).
57. В Законе о несостоятельности (банкротстве) 1998 года содержались похожие положения. Статьи 5 и 29 этого Закона устанавливали, что дела о несостоятельности (банкротстве), в которых должником являлось юридическое лицо (а не физическое), были подведомственны арбитражным судам. Согласно статье 55 Закона 1998 года арбитражные суды обладали компетенцией рассматривать жалобы кредиторов о нарушении их прав и интересов арбитражным управляющим.
58. Статьи 5, 34 и 50 Закона о несостоятельности банков 1999 года устанавливали компетенцию арбитражных судов по рассмотрению дел о несостоятельности банков и содержали также ссылки на статьи Арбитражного процессуального кодекса.

¹⁸

В тексте постановления Европейского суда допущена ошибка. Однако указанная норма содержалась не в статье 31 Арбитражного процессуального кодекса, а в статье 31 Закона РФ от 19 ноября 1992 года № 3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий».

2. *Позиция Конституционного Суда*

59. В постановлении Конституционного Суда от 12 марта 2001 года¹⁹ рассматривались среди прочего вопросы доступа к суду в рамках производства по делам о несостоятельности. Пункт 4, относящийся к конституционности пункта 2 статьи 18 Закона 1992 года (пункта 1 статьи 98 в сочетании с пунктом 4 статьи 15 и пунктом 1 статьи 55 Закона 1998 года), гласит следующее:

«...арбитражные суды при рассмотрении жалоб граждан-кредиторов о нарушении их прав и интересов не вправе давать конкурсному управляющему обязательные указания имущественного характера в отношении кредиторов о признании долга или права (...) Указанные особенности (...) не должны толковаться как исключающие возможность рассмотрения судами общей юрисдикции имущественных (...) требований граждан-кредиторов по существу (...) в соответствии с требованиями законодательства о несостоятельности (банкротстве).»

Не содержится в оспариваемых нормах и каких-либо положений, препятствующих вынесению арбитражными судами решений, которые в полной мере позволяли бы заинтересованным лицам реализовать право на судебную защиту в процедуре, предусмотренной для признания предприятия-должника несостоятельным (банкротом), поскольку другими нормами Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрен именно судебный порядок разрешения разногласий (статьи 41, 44, 57, 107, 108 и др.).

Отказ арбитражного суда в принятии заявления в связи с неподсудностью дела арбитражному суду (...) не исключает возможности обращения заинтересованного лица за защитой своих прав в суды общей юрисдикции (...) Конституционное право на судебную защиту должно обеспечиваться и в том случае, если действующим законодательством не установлено разграничение компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

При таком истолковании [рассматриваемые положения] не препятствуют судам общей юрисдикции рассматривать имущественные требования граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями, к конкурсным управляющим (...) о возмещении причиненного вреда, а арбитражным судам – использовать механизм исполнения решений судов общей юрисдикции в соответствии с требованиями названного Федерального закона...».

¹⁹

Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций», а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц».

Право

60. Заявитель жаловался на невозможность получить сумму, присужденную ему решением суда от 1995 года, по причине незаконного распределения активов конкурсным управляющим. Он ссылался на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции, которая устанавливает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

61. Власти повторили перед Большой палатой свои доводы, представленные ранее перед Палатой, о неисчерпании заявителем внутренних средств правовой защиты. В частности, они считали, что заявитель должен был подать отдельный иск в суд общей юрисдикции с требованием привлечь к личной ответственности конкурсного управляющего в соответствии с главой 59 Гражданского кодекса РФ («Обязательства вследствие причинения вреда»), с тем чтобы обжаловать незаконное распределение активов банка. Суд считает, что вопрос неисчерпания внутренних средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителя на основании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку заявитель жалуется на невозможность обратиться с иском о компенсации за ущерб, причиненный действиями конкурсного управляющего. Таким образом, это возражение должно быть приобщено к существу дела и будет проанализировано ниже.

II. ВРЕМЕННАЯ ЮРИСДИКЦИЯ

62. 12 января 2011 года, после проведения слушания и совещания по делу, Большая палата задала сторонам дополнительные вопросы, касающиеся, в частности, *ratione temporis* юрисдикции Суда в данном деле.

A. Доводы сторон

63. В своем письменном ответе Власти утверждали, что оспариваемое распределение средств банка-банкрота было произведено в 1996 году, то есть до ратификации Конвенции в России (5 мая 1998 года). Тот факт, что такое лишение имело длительные последствия, не повлек за собой продолжающееся нарушение. Власти указали на отличие этого дела от дела «Совтрансавто Холдинг» против Украины» (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*) (жалоба № 48553/99, пункты 54 и далее, ECHR 2002-VII), где Европейский суд установил, что утрата контроля над компанией представляла собой продолжительный процесс, в результате которого возникла длившаяся ситуа-

ция. В данном деле жалоба заявителя касается однократного акта распределения активов банка 13 марта 1996 года. После этой даты никаких новых активов банка обнаружено не было. Последующие решения арбитражных судов (принятые после 5 мая 1998-го) не нарушали права заявителя, поскольку у должника в то время уже не было активов. Таким образом, для невозможности исполнения постановления от 1998 года имеются объективные причины. В поддержку своего довода Власти ссылались на дела «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*) [GC] (жалоба № 59532/00, пункт 79, ECHR 2006-III) и «Копецки против Словакии» (*Kopecký v. Slovakia*) [GC] (жалоба № 44912/98, пункт 38, ECHR 2004-IX). Они заключили, что Суд не обладал компетенцией для рассмотрения дела.

64. Заявитель, во-первых, утверждал, что точная дата распределения активов была неясна. Решение комитета кредиторов о распределении активов было принято 13 марта 1996 года. Тем не менее заявитель получил 140 рублей из причитающихся ему 17 983 рублей только 6 апреля 1998 года. Если эта дата является точной, то это означает, что между принятием решения о распределении средств и его осуществлением прошло более двух лет. В отсутствие каких-либо доказательств касательно временных рамок процесса распределения нельзя исключать возможность того, что процесс распределения был совершен после 5 мая 1998 года, когда Конвенция уже вступила в силу в отношении России.
65. Во-вторых, во время принятия решения комитетом кредиторов общая сумма доступных для распределения денежных средств была неизвестна. Не было никакой доказательственной базы, подтверждающей утверждение Властей об отсутствии у банка активов с 12 ноября 1998 года. Отсутствовала информация о результатах конкурсного производства с августа 1998 года до июня 1999 года. Таким образом, перед формальным закрытием ликвидационного производства 17 июня 1999 года теоретически существовала возможность получения заявителем причитающихся ему денежных средств. В связи с этим утверждение Властей о том, что распределение средств являлось последним вмешательством в права заявителя, является неподкрепленным доказательствами.
66. Заявитель считал, что неисполнение Властиами имеющего обязательную силу постановления от 26 августа 1998 года положило начало многоступенчатому «продолжающемуся нарушению» его прав. Несмотря на то, что национальный суд не определил средств, из которых конкурсный управляющий должен был осуществлять возмещение ущерба заявителю, решение о том, требовать ли возвращения денег у тех, кому они были незаконно распределены, или же привлекать дополнительные средства, оставалось на усмотрение конкурсного управляющего. Нехватка средств у должника никаким образом не исключала этих возможностей. В действительности причиной продолжительного отсутствия средств стали именно незаконные действия конкурсного управляющего и неисполнение им условий постановления суда, обязывающего его исправить данную ситуацию (если предположить, что у банка действительно не было средств).
67. Наконец, по мнению заявителя, решения национальных судов, принятые в 1999 году, следует рассматривать как очередную ступень данного «продолжающегося нарушения», несмотря на тот факт, что они были отменены в результате пересмотра в порядке надзора в 2001 году. Вмешательство в имущественные права

заявителя представляло собой процесс, который шел по нарастающей и состоял из четырех этапов: (a) неправомерное распределение активов конкурсным управляющим; (b) неисполнение государственными органами решения от 26 августа 1998 года; (c) отказ арбитражных судов (в свете такого неисполнения) рассмотреть требования, предъявленные заявителем к конкурсному управляющему лично; и (d) принятие арбитражным судом первой инстанции определения о завершении конкурсного производства.

Б. Анализ Суда

68. Суд отмечает, что распределение средств конкурсным управляющим между «привилегированными» кредиторами произошло, вероятнее всего, в 1996 году, и в любом случае имело место до 6 апреля 1998 года, когда заявитель получил свою долю из оставшихся активов банка. Конвенция вступила в силу в России 5 мая 1998 года. Европейский суд соглашается с мнением Властей о том, что распределение активов банка было осуществлено незамедлительно и, как следствие, не подпадает под юрисдикцию Суда *ratione temporis*. Таким образом, Суд отмечает, что после 5 мая 1998 года заявитель принял участие в двух судебных разбирательствах, касающихся незаконного распределения банковских активов и личной ответственности конкурсного управляющего. Вопрос состоит в том, относятся ли к юрисдикции Суда факты, связанные с данными разбирательствами.
69. Власти, ссылаясь на вышеупомянутые дела Блечича и Копецки, утверждали, что судебные разбирательства, имевшие место в 1998 и 1999 годах, не должны рассматриваться отдельно от первоначального нарушения, то есть незаконного распределения активов банка. Тем не менее Суд считает, что данное дело отличается от дел Блечича и Копецки по следующим причинам. Как признают Власти, в соответствии с законодательством Российской Федерации заявитель имел право потребовать от конкурсного управляющего возмещения ущерба за его неправомерные действия. С юридической точки зрения заявитель имел обоснованное деликтное требование на момент вступления Конвенции в силу в России. В дальнейшем это было в достаточной степени установлено в окончательном постановлении суда от 12 ноября 1998 года, в котором суды признали незаконность действий конкурсного управляющего и обязали его возместить заявителю убытки.

Суд отмечает, что в постановлении по делу «Плеханов против Польши» (*Plechanow v. Poland*) (жалоба № 22279/04, пункты 76 и далее, от 7 июля 2009 года) он отклонил *ratione temporis* возражение Властей и выявил различия между первоначальной конфискацией собственности и разбирательством относительно компенсации. В решении по делу «Брониовский против Польши» (*Broniowski v. Poland*) (dec.) [GC] (жалоба № 31443/96, пункты 74 и далее, ECHR 2002-X) Большая палата Европейского суда провела аналогичное различие. Она постановила, что «заявитель не жаловался на лишение первоначального имущества» в 1940-е годы, а жаловался на «предполагаемое нарушение права на компенсационную меру, к которой у него был доступ в соответствии с польским законодательством на момент ратификации Протокола». В данном деле Суд будет придерживаться аналогичной цепочки рассуждений. Как и в деле Брониовского, заявитель на момент ратификации Конвенции в России имел деликтное требование, которое возникло значительно позже первоначального правонарушения. Таким образом, главный вопрос заключается в том, по какой

причине попытка заявителя восстановить свои нарушенные права как в 1998, так и в 1999 году не увенчалась успехом, то есть после ратификации Конвенции. Суд приходит к выводу, что он обладает временной юрисдикцией рассматривать вопрос о соблюдении прав заявителя, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, в судебных разбирательствах, имевших место в 1998 и 1999 годах.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

A. Постановление Палаты от 14 января 2010 года

70. Прежде всего Палата отклонила довод властей о неисчерпании внутренних средств правовой защиты. Палата отметила, что «отмена [в 2001 году в надзорном порядке постановлений, вынесенных в 1999 году] произошла в данном случае после коммуницирования жалобы Власти и [что] эта отмена была использована ими для выдвижения довода о неисчерпании внутренних средств правовой защиты». Палата не сочла, что этот довод может обоснованно следовать из судебных решений 2001 года. В дальнейшем Палата сфокусировала внимание на судебном разбирательстве в 1998 году, которое завершилось вынесением постановления от 12 ноября 1998 года. По мнению Палаты, в 1998 году заявитель воспользовался правом обжаловать неправомерные действия конкурсного управляющего. Постановления от 1998 года были вынесены в рамках предметной подсудности арбитражных судов. Как следствие, являлось несущественным, был ли иск заявителя лично в отношении конкурсного управляющего подан в компетентный судебный орган или нет, — заявитель исчерпал внутренние средства правовой защиты, направив свою первую жалобу в арбитражный суд; это судебное разбирательство завершилось 12 ноября 1998 года.
71. Что касается существа дела, Палата отметила, что сумма, присужденная решениями российских судов от 1995 года (далее — сумма, присужденная в 1995 году), являлась «имуществом» по смыслу статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Распределив активы «привилегированным» кредиторам прежде других кредиторов первой категории, конкурсный управляющий совершил противоправное действие, и, как следствие, заявитель не получил суммы, которую он мог получить при иных обстоятельствах. Таким образом, конкурсным управляющим было совершено незаконное вмешательство в право собственности заявителя.
72. Далее Палата отметила, что конкурсный управляющий являлся представителем государства. Этот вывод основывался на статусе конкурсного управляющего, закрепленном в статьях 19 и 21 Закона о банкротстве 1992 года. Палата сослалась на то, что суд назначил конкурсного управляющего ввиду его соответствия установленным законодательством критериям, что суд контролировал его действия и что он выступал в интересах всех кредиторов компании. Палата также сослалась на «характер его обязанностей», который «относился к государственной власти». Палата постановила, что от конкурсного управляющего «требовалось установить «справедливое равновесие» между требованиями общего интереса и защитой основных прав личности». Поскольку вмешательство в права заявителя было произведено государственным органом и являлось незаконным, оно противоречило требованиям статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Б. Замечания Властей, представленные Большой палате

1. Юридический статус конкурсного управляющего

73. В своих дополнительных замечаниях Власти главным образом оспорили выводы Палаты о том, что конкурсный управляющий выступал в качестве представителя «государственной власти» по смыслу статьи 34 Конвенции. Они ссылались на постановление по делу «Кацюк против Украины» (*Katsyuk v. Ukraine*) (жалоба № 58928/00, пункт 39, от 5 апреля 2005 года), из которого следовало, что, несмотря на то что конкурсный управляющий был назначен судом, он не являлся «государственным должностным лицом» и его действия нельзя было прямо относить на счет государства. Следовательно, жалоба не соответствовала положениям Конвенции *ratione personae*.
74. В поддержку данного суждения Власти ссылались на юридический статус конкурсного управляющего, способ его назначения на должность, а также степень его ответственности перед органами государственной власти. Власти провели сравнение статусов конкурсных управляющих в России и в Украине и заключили, что в обеих странах конкурсные управляющие не относятся к органам государственной власти, как было верно установлено Судом в отношении Украины в вышеупомянутом постановлении по делу Кацюка. Таким образом, конкурсный управляющий являлся специалистом, назначенным собранием кредиторов. Его кандидатура была подтверждена арбитражным судом, но задача суда была ограничена подтверждением соответствия конкурсного управляющего законодательным требованиям к этой должности. Инициатива назначения конкурсного управляющего принадлежала комитету кредиторов, который представил в суд кандидатуру конкурсного управляющего и следил за его работой.
75. Комитет кредиторов не только представил кандидатуру конкурсного управляющего, но также осуществлял оперативный контроль за его действиями. Например, он одобрял сделки, касающиеся активов предприятия-банкрота, устанавливал стоимость продажи ее собственности и подтверждал мировые соглашения с должниками. Суды даже не упоминались в законах в качестве стороны в процедуре банкротства — они лишь подтверждали формальную законность действий конкурсного управляющего. Суды не имели права выносить обязывающие решения в отношении конкурсных управляющих, касающиеся управления собственностью предприятия-банкрота.
76. Услуги конкурсного управляющего были компенсированы кредитным органом; Власти не компенсировали его услуги. Более того, он действовал, исходя из собственного интереса. Хотя его деятельность наделена определенной общественной значимостью, он не обладал никакими официальными полномочиями и принял назначения с целью получения выгоды. Он не обладал законной монополией и действовал в открытой для конкуренции отрасли, не мог издавать приказов или нормативов, обязательных для исполнения третьими лицами, а также налагать санкции или исполнять другие государственные функции. Его действия можно было оспорить гражданским иском, а не административной жалобой. Власти привели описание обязанностей и полномочий конкурсного управляющего в процедуре банкротства. Его задача заключалась в справедливом распределении ак-

тивов предприятия-банкрота между кредиторами строго в рамках, обозначенных соответствующим законодательством. В целом конкурсный управляющий обладал значительной оперативной и институциональной автономией от государства и был полностью финансово независим от органов власти. Государство-ответчик заключило, что конкурсный управляющий выступал скорее в качестве предпринимателя, нежели в качестве государственного должностного лица. Данная позиция была подкреплена Законом о банкротстве 2002 года, который предусматривал создание саморегулируемой негосударственной организации профессиональных конкурсных управляющих.

2. *Предполагаемое невыполнение Властями позитивных обязательств*

77. Что касается возникновения позитивных обязательств Властей по статье 1 Протокола № 1 к Конвенции, Власти прежде всего отметили «ограниченный объем надежной информации» в отношении активов, доступных для распределения конкурсным управляющим между кредиторами банка-банкрота. Они признали, что заявитель в результате неправомочных действий конкурсного управляющего и кредитного органа получил меньшую сумму, чем та, на которую он мог законно рассчитывать, но не согласились с утверждением заявителя, что полная сумма компенсации, назначенная судом, могла быть возмещена.
78. Власти признали, что на государство-ответчика могло быть возложено обязательство по оказанию содействия кредиторам по возмещению денежных средств от несостоятельного должника. Тем не менее они выполнили свои позитивные обязательства, обеспечив необходимую законодательную базу для осуществления конкурсного производства. Так, для защиты интересов кредиторов были приняты специальные законодательные акты (Законы о банкротстве 1992 и 1998 годов). Законодательство обеспечивало распределение средств предприятия-банкрота на *pari passu* основе. Эти Законы (статьи 31 и 21 соответственно) гарантировали право кредитора на обращение с жалобой в суд касательно действий или бездействия конкурсного управляющего. Конкурсный управляющий нес персональную ответственность перед кредиторами. Закон о банкротстве 2002 года пошел еще дальше, потребовав от конкурсных управляющих обязательного страхования профессиональной ответственности. Власти ссылались на практику ряда других государств — членов Совета Европы, в которых конкурсные управляющие несли персональную ответственность перед кредиторами предприятия-банкрота.
79. Относительно особых обстоятельств настоящего дела Власти утверждали следующее. Во-первых, заявитель успешно оспорил действия конкурсного управляющего: в 1998 году арбитражные суды постановили, что эти действия были неправомочными, и предписали конкурсному управляющему восстановить права заявителя в течение одного месяца. Тем не менее в результате неправомочных действий конкурсного управляющего и комитета кредиторов банк исчерпал свои активы и, как следствие, исполнить решения судов, принятые в 1998 году, было невозможно. Власти не могли нести ответственность за неисполнение судебных решений, вызванное факторами, находящимися вне государственного контроля.
80. Кроме этого, заявитель мог подать иск в суд лично в отношении конкурсного управляющего за его непрофессиональные действия во время исполнения своих

профессиональных обязанностей. Такая возможность была предусмотрена статьями 31 и 21 Законов о банкротстве 1992 и 1998 годов соответственно. Возможность потребовать возмещения ущерба, причиненного конкурсным управляющим, была также подтверждена Конституционным Судом. Заявитель воспользовался этой возможностью, направив новую жалобу в арбитражный суд, которая была им рассмотрена и отклонена главным образом на том основании, что конкурсное производство еще не было завершено. Было несправедливо возмещать заявителю какие-либо убытки, когда существовала возможность (пусть и неопределенная) их получения от самого банка. Если бы суды удовлетворили требования заявителя, у него бы появилась возможность получить ту же сумму дважды, что могло бы быть приравнено к неосновательному обогащению.

81. После ликвидации банка 17 июня 1999 года все его невыплаченные долги были списаны. После этого заявитель получил возможность возместить ущерб, причиненный конкурсным управляющим. Тем не менее по неясной причине он не воспользовался этой возможностью. Существование каких-либо сомнений в положительном исходе такого средства не является достаточным основанием для оправдания отказа заявителя им воспользоваться.
82. Власти также утверждали, что надлежащей компетенцией для рассмотрения подобных заявлений обладал суд общей юрисдикции, поскольку заявитель обладал статусом физического лица. Арбитражные суды могли проводить слушания только по спорам между компаниями или индивидуальными предпринимателями. Это было подтверждено постановлением Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апреля 2001 года, вынесенным в порядке надзора. Тем не менее даже после вынесения этого постановления заявитель не направил иск в отношении конкурсного управляющего в соответствующую судебную инстанцию. Власти заключили, что заявитель обладал законными средствами возмещения своих прав, но не воспользовался ими без каких-либо существенных оснований.

В. Замечания заявителя, представленные Большой палате

1. Юридический статус конкурсного управляющего

83. Заявитель утверждал, что конкурсный управляющий был назначен и исполнял свои обязанности под контролем Властей. Палата была права, проведя различие между данным делом и вышеупомянутым делом Кацюка, поскольку соответствующие данным случаям законодательные базы в значительной мере различались, в частности, в том, что касалось назначения конкурсного управляющего, контроля за его действиями, взаимоотношений конкурсного управляющего и комитета кредиторов, компенсации услуг конкурсного управляющего, а также полномочий относительно неправомерных действий конкурсного управляющего.
84. В соответствии с законодательством Российской Федерации конкурсный управляющий являлся не специалистом в данной области, а скорее лицом, соответствующим определенным требованиям, не обязательно связанным с его профессиональной сферой деятельности. Таким образом, государственный служащий мог исполнять обязанности конкурсного управляющего. Более того, хотя кредиторы и могли предлагать на рассмотрение своих кандидатов, исключительным правом

назначения конкурсного управляющего обладал суд. Суд осуществлял контроль за действиями конкурсного управляющего и ходом конкурсного производства в целом. Конкурсный управляющий в России (в отличие от Украины) обладал правом оспорить в суде незаконное решение комитета кредиторов. В России услуги конкурсного управляющего компенсировались судом на основании суммы, определенной комитетом кредиторов из средств, собранных в ходе конкурсного производства. Действия конкурсного управляющего могли быть оспорены в суде, а суд был наделен правом выносить в отношении конкурсных управляющих предписания и требовать выплаты компенсации кредиторам. Украинские суды не обладали такими полномочиями по отношению к конкурсным управляющим. В целом конкурсный управляющий в России назначался судом, его услуги компенсировались судом, он же осуществлял и контроль за его действиями. В данных обстоятельствах его следует рассматривать как государственного служащего и Власти должны нести ответственность за его действия.

2. Предполагаемое невыполнение Властями позитивных обязательств

85. Даже предполагая, что конкурсный управляющий являлся частным лицом, заявитель считал, что в связи с характером его обязанностей Власти должны нести по крайней мере косвенную ответственность за его действия. Заявитель полагался на выводы Суда в постановлении по делу «Костелло-Робер츠 против Соединенного Королевства» (*Costello-Roberts v. the United Kingdom*) (от 25 марта 1993 года, Series A № 247-C), в котором была установлена ответственность Властей за действия работников частной школы. Суд заключил, что в данном деле «Власти не могут снять с себя ответственность путем делегирования полномочий частным органам или лицам». Аналогичный подход был принят в отношении статуса адвокатов в деле «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (*Van der Mussele v. Belgium*) (от 23 ноября 1983 года, Series A № 70), статуса Фонда немецко-польского примирения в деле «Вось против Польши» (*Woś v. Poland*) (жалоба № 22860/02, ECHR 2006-VII), а также в отношении Союза адвокатов Румынии в деле «Бузеску против Румынии» (*Buzescu v. Romania*) (жалоба № 61302/00, от 24 мая 2005 года). Заявитель заключил, что согласно прецедентному праву Суда действия конкурсного управляющего в данном деле влекут за собой ответственность за них Властей. Даже если конкурсный управляющий не был государственным должностным лицом, российские Власти имели позитивное обязательство в соответствии с положениями статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции защищать заявителя, являющегося кредитором банка, от незаконных действий конкурсного управляющего. Характер и пределы таких обязательств состоят (по меньшей мере) в обеспечении соответствия действий конкурсного управляющего национальному законодательству. Обязательство также распространяется на устранение последствий неправомерных действий конкурсного управляющего. В данных обстоятельствах соответствующая мера должна была повлечь за собой выплату заявителю компенсации, предусмотренной национальным законодательством, и исполнение такого решения. Заявитель по данному делу воспользовался всеми возможностями оспорить как незаконное распределение активов конкурсным управляющим, так и неисполнение решения арбитражного суда. Национальный суд подтвердил незаконность распределения активов конкурсным управляющим в 1998 году и в ходе дальнейшего разбирательства в 1999 году, но, несмотря на эти решения, конкурсное производство было закрыто 17 июня 1999 года на основании недостаточности средств.

86. Претензии заявителя к конкурсному управляющему были отклонены по нескольким причинам: суд указал, что, поскольку дело уже было рассмотрено судами общей юрисдикции, арбитражный суд не может рассматривать его повторно; суд счел, что дополнительные притязания заявителя относительно компенсации морального вреда из-за психического расстройства и потери времени не были обоснованы, поскольку претензии относительно вреда, причиненного в рамках процедуры банкротства, не подпадают под Закон о банкротстве. Также суды установили, что выплатить заявителю исходную компенсацию невозможно из-за недостатка активов у банка, но впоследствии, если и при условии, что дополнительные активы станут доступны, это будет возможно. Дополнительные притязания заявителя относительно компенсации морального ущерба из-за психического расстройства и потери времени были отклонены по существу, в то время как его иск о компенсации со стороны суда общей юрисдикции был отклонен на процессуальных основаниях.
87. Заявитель имел право подать апелляционную жалобу на неправомерные действия конкурсного управляющего в арбитражный суд на основании раздела 21 Закона о банкротстве от 1998 года. Национальные суды рассмотрели жалобы заявителя по существу, таким образом, поддержав утверждения заявителя о том, что он использовал приемлемые средства судебной защиты в данной ситуации. Что касается упоминания Власти заключения Конституционного Суда от 12 марта 2001 года, заявитель отметил, что в соответствии с Конституционным Судом кредитор имел право обратиться в суд общей юрисдикции в случае, если арбитражный суд отказал в рассмотрении жалобы на основании нарушения правил подведомственности. Однако в настоящем деле арбитражный суд не отказывал в рассмотрении жалоб заявителя на таком основании. Постановление Конституционного Суда 2001 года предоставило возможность заявлять соответствующие иски в судах общей юрисдикции, но не лишило кредитора права обжаловать решения конкурсного управляющего в арбитражных судах. Лишь в 2001 году довод об отсутствии подведомственности был использован при пересмотре вынесенных судебных актов в порядке надзора, а все предыдущие решения арбитражных судов (от 4 февраля, 31 марта и 9 июня 1999 года) были отменены. Сама эта процедура подняла ряд серьезных вопросов, касающихся принципа правовой определенности, которого Суд придерживался множество раз.
88. Заявитель признал, что теоретически он мог обратиться в суды общей юрисдикции с иском о возмещении ущерба, причиненного непрофессиональными действиями конкурсного управляющего, однако отмена решений арбитражных судов сделала это средство судебной защиты иллюзорным. По этой причине он не пытался прибегать к подобным средствам правовой защиты и не был обязан это делать. Более того, по замечанию Палаты, заявитель обращался в суды общей юрисдикции только по поводу первоначальной жалобы еще до начала процедуры банкротства, но выплата компенсации ему на основании решений от 20 февраля 1995 года и 5 апреля 1996 года так и не была осуществлена.

Г. Анализ Суда

89. Сначала Суд коротко изложит юридические и фактические доводы, по поводу которых у сторон не возникает противоречий. Прежде всего Власти считают, что компенсация, назначенная судом в 1995 году, была эквивалентна имуществу зая-

вителя по смыслу статьи 1 Протокола № 1. Далее, Власти согласны с заявителем, что действия конкурсного управляющего были неправомерными в том отношении, что активы банка, которые должны были распределяться поровну среди кредиторов первой очереди, были использованы для полного возмещения некоторым «привилегированным» кредиторам. Кроме того, Власти согласны, что в результате такого распределения средств другие кредиторы первой очереди этого банка, в том числе и заявитель, получили гораздо меньшее возмещение, чем могли бы ожидать по закону, учитывая финансовую ситуацию банка.

90. Суд не видит оснований не соглашаться со сторонами по вышеуказанным пунктам. Суд напоминает, что имущественный иск, подкрепленный вступившим в силу судебным решением (в precedентном праве часто называемый «присужденным долгом»), всегда рассматривался Судом как «объект владения» в толковании статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (см. постановление Европейского суда по делу «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia*), жалоба № 59498/00, пункт 40, ECHR 2002-III, и постановление Европейского суда от 9 декабря 1994 года по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис против Греции» (*Stran Greek Refineries and Stratis Andreadis v. Greece*), пункт 59, Series A № 301-B). В самом деле, в случае если должник является физическим лицом или частной компанией, имущественный иск, даже подкрепленный вступившим в силу судебным решением, менее очевиден, поскольку его исполнимость во многом зависит от платежеспособности должника. Как Суд неоднократно признавал, «если должник является частным лицом (...) государство, как правило, не несет прямой ответственности за долги таких частных лиц, и его обязательства сводятся к предоставлению необходимого содействия кредитору в принудительном исполнении принятых судебных решений, через, например, службу судебных приставов или процедуры банкротства» (см., например, решения Европейского суда по вопросу приемлемости жалоб «Шестаков против России» (*Shestakov v. Russia*), жалоба № 48757/99, от 18 июня 2002 года; «Кривоногова против России» (*Krivenogova v. Russia*), жалоба № 74694/01, от 1 апреля 2004 года; и постановления Европейского суда по делам «Кесян против России» (*Kesyan v. Russia*), жалоба № 36496/02, от 19 октября 2006 года, а также по делу «Сколло против Италии» (*Scollo v. Italy*), от 28 сентября 1995 года, Series A № 315-C, пункт 44, и «Фуклев против Украины» (*Fuklev v. Ukraine*), жалоба № 71186/01, пункт 84, от 7 июня 2005 года). Тем не менее такие имущественные иски также могут быть охарактеризованы как «объект владения». В данном случае активов банка, до их распределения конкурсным управляющим, было достаточно для того, чтобы удовлетворить по меньшей мере значительную часть требований заявителя. Поэтому присужденное в 1995 году возмещение ущерба могло быть по крайней мере частично взыскано. Заявитель был кредитором первой очереди, и обязательства банка по отношению к нему должны были исполняться соответствующим образом. Однако собранные средства были распределены конкурсным управляющим преимущественно среди «привилегированных» кредиторов, что является нарушением закона. В результате этих неправомерных действий заявитель потерял значительную часть причитавшихся ему денежных сумм. Таково было заключение Палаты (см. пункт 53 постановления), с которым полностью согласны обе стороны, и Большая палата не видит оснований отходить от этого заключения. Заявитель лишился своего имущества в результате незаконных действий конкурсного управляющего.

1. Правовой статус конкурсного управляющего

91. Власти заявили перед Большой палатой, что в юрисдикцию Суда *ratione personae* не входит рассмотрение жалобы заявителя на действия конкурсного управляющего, поскольку последний действовал как частное лицо, а не как государственный служащий. Суд обратится к этому вопросу в первую очередь.

(а) Практика Суда

92. Суд уже рассмотрел вопрос, может ли государство быть признано ответственным согласно Конвенции за действия компании или частного лица. Первая категория дел (к которой относится и настоящее дело) касается ответственности государства *ratione personae* за действия органа, который не является по крайней мере формально органом государственной власти. В деле «Костелло-Робертс против Соединенного Королевства» (*Costello-Roberts v. the United Kingdom*) (цит. выше, пункт 27) Суд признал, что государство не может снять с себя ответственность путем перекладывания своих обязательств на частные компании или лиц, в указанном случае частную школу. Похожим образом в деле «Шторк против Германии» (*Storck v. Germany*) (жалоба № 61603/00, пункт 103, ECHR 2005-V) Суд постановил, что государство осталось обязанным осуществлять надзор и контроль за частными психиатрическими заведениями, в которых пациентов могли содержать против их воли (смотри также дела «Эвальдсон и другие против Швеции» (*Evaldsson and Others v. Sweden*), жалоба № 75252/01, пункт 63, от 13 февраля 2007 года, касающееся организаций рынка труда; «Бузеску против Румынии» (*Buzescu v. Romania*), цит. выше, пункт 78, касающееся коллегии адвокатов, и «Вош против Польши» (*Woś v. Poland*), цит. выше, пункты 71–74, в котором обсуждается статус Организации польско-германского примирения).

93. Вторая категория дел касается *locus standi* заявителя в соответствии со статьей 34 Конвенции и понятия «правительственная организация». В деле «Радио Франции» и др. против Франции» (*Radio France and others v. France*) (dec.) (жалоба № 53984/00, пункт 26, ECHR 2003-X (выдержки), Суд отметил:

«В категорию «правительственных организаций» входят юридические лица, участвующие в осуществлении государственных полномочий или предоставляющие общественные услуги под контролем государства. Чтобы определить, подпадает ли под эту категорию любое отдельное юридическое лицо, отличное от территориальных властей, необходимо обратить внимание на его правовой статус и, где это уместно, на права, которые предоставляет этот статус, природу его деятельности и условия, в которых она выполняется, а также степень его независимости от политических властей».

94. Что касается юридического лица «Радио Франции», Суд заметил, что, хотя ему были поручены задачи общественной деятельности и оно в значительной мере зависело от государства в финансовом отношении, законодательные органы разработали механизм, явно направленный на то, чтобы гарантировать независимость редакции и автономность учреждения. В этом отношении наблюдается мало различий между «Радио Франции» и компаниями, управляемыми «частными» радиостанциями, подверженными различным законодательным и нормативным

ограничениям. Таким образом, Суд заключил, что «Радио Франции» являлось неправительственной организацией в значении статьи 34 Конвенции. Похожим образом Суд установил, что компания-заявитель в деле «Судоходные линии Исламской Республики Иран против Турции» (*Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey*) (жалоба № 40998/98, пункт 79, ECHR 2007-...) являлась неправительственной организацией, несмотря на тот факт, что она полностью находилась во владении Иранского государства и большинство членов совета директоров назначались государством. Суд отметил, что компания-заявитель в правовом и финансовом отношении была независима от государства и являлась коммерческим предприятием.

95. Несмотря на различие между понятиями «государственная организация» и «государственный орган», Суд использует в этих двух ситуациях схожий ход рассуждений. В связи с этим принципы, выработанные в ходе дела «Радио Франции», применялись в деле «Михайленко и др. против Украины» (*Mykhaylenky and others v. Ukraine*) (жалобы № 35091/02, 35196/02, 35201/02, 35204/02, 35945/02, 35949/02, 35953/02, 36800/02, 38296/02 и 42814/02, пункты 43–46, ECHR 2004-XII), где поднимался вопрос об ответственности государства за долги предприятия, действующего на частном рынке (см. также постановление Европейского суда от 8 апреля 2010 года по делу «Ершова против России» (*Yershova v. Russia*), жалоба № 1387/04, пункты 55 и 62).
96. Правовой статус конкурсных управляющих был рассмотрен Судом в следующих делах. В деле Кацюка (цит. выше, пункт 39) Суд установил, *inter alia*, что конкурсный управляющий не обладал никакими характеристиками «правительственной организации», поскольку его назначение и одобрение его отчета судом не могло как таковое утвердить за ним подобный статус (см. также решение Европейского суда по вопросу приемлемости жалобы № 55796/00 «Бакалов и др. против Болгарии» (*Bakalov and others v. Bulgaria*) от 18 сентября 2007 года). Необходимо отметить, однако, что в том деле конкурсный управляющий был назначен в такое время, когда предприятие-должник было уже не в состоянии выполнять свои обязательства. Больше того, действия конкурсного управляющего не оспаривались как незаконные или неразумные. Основным вопросом было скорее то, являлось ли само назначение конкурсного управляющего свидетельством того, что украинские власти приняли на себя ответственность за долги частного предприятия. Суд установил, что не являлось.
97. В деле «Сычев против Украины» (*Sychev v. Ukraine*) (жалоба № 4773/02, пункты 54–56, от 11 октября 2005 года) Суд рассмотрел статус ликвидационного комитета и заключил, что он долгое время был неспособен исполнить решение суда «из-за того, что государство не могло установить эффективную систему исполнения судебных решений, вынесенных против компании, проходящей процедуру банкротства» (см. также решение Европейского суда от 3 июля 2008 года по вопросу приемлемости жалобы № 26856/04 «Покутная против России» (*Pokutnaya v. Russia*)). Однако Суд не рассматривал вопрос, являлся ли ликвидационный комитет «органом государственной власти». Он обращал внимание скорее на неисполнение государством своих позитивных обязательств в этой области. Суд также не рассматривал этот вопрос в делах, где он должен был решить, применима ли статья 6 к спорам, возникающим из процедур ликвидации (см., например, постановление Европейского суда от 15 ноября 2001 года по делу «Вернер против Польши» (*Werner v. Poland*),

жалоба № 26760/95, пункт 34; см. также постановление Европейского суда от 19 июня 2008 года «Измета Башич против Хорватии» (*Ismeta Bačić v. Croatia*), жалоба № 43595/06, пункт 27), или в делах, где Суд изучал продолжительность процедур банкротства (см. постановление Европейского суда «Луордо против Италии», жалоба № 32190/96, пункты 67–71, ECHR 2003-IX).

98. Таким образом, по большей части из-за разнообразия ситуаций в делаах, представляемых на рассмотрение Суда, прецедентное право в отношении правового статуса конкурсный управляющий в делаах о банкротстве требует некоторого прояснения. Поэтому Суд оценит, можно ли считать, что в данном случае конкурсный управляющий действовал от лица государства, учитывая критерии, приведенные ниже.

(6) Конкурсный управляющий в данном деле

99. Суд подчеркивает, что в соответствующие периоды времени по действовавшему национальному законодательству конкурсный управляющий не являлся государственным должностным лицом, поскольку с формальной точки зрения управление делами в рамках процедуры банкротства должно было оставаться в частных руках. Суд оценит, соответствовал ли формальный статус конкурсного управляющего реальной ситуации процесса ликвидации.

(i) Назначение

100. В соответствующие периоды времени конкурсный управляющий в России был частным лицом, нанимаемым комитетом кредиторов, у которого был свой интерес в осуществлении процедуры банкротства. Он избирался на открытом рынке среди других профессионалов, конкурирующих с целью получить ту же работу. Он работал за вознаграждение, свободно назначаемое и уплачиваемое комитетом кредиторов. Государство в процедурах признания неплатежеспособности действовало как кредитор, а не как «орган власти».
101. Назначение конкурсного управляющего утверждалось судьей. Однако по убедительному объяснению государства судья тем самым только признавал действительным решение комитета кредиторов после того, как удостоверился, что предложенное лицо соответствовало всем установленным квалификационным критериям. Как таковое это утверждение не влекло за собой ответственности государства за то, каким образом конкурсный управляющий будет выполнять свои обязанности.

(ii) Надзор и ответственность

102. В то время как Палата полагалась на контроль национального суда за законностью действий конкурсного управляющего, Большая палата замечает, что рамки такого контроля весьма ограничены и имеют только обратную силу, поскольку суды не должны были проверять, оправданы ли решения конкурсного управляющего с экономической или деловой точки зрения. Суды не были уполномочены давать конкурсному управляющему инструкции относительно того, как управлять компанией-банкротом; решение этих вопросов входило в дискреционные полномочия конкурсного управляющего. Суды только контролировали соответствие его

действий процедурным и материально-правовым нормам национального законодательства о банкротстве. Их роль сводилась к роли форума по улаживанию разногласий между кредиторами неплатежеспособной компании, ее должниками и конкурсным управляющим. В этом отношении они играли ту же роль, как и в любом другом частном споре.

103. Более того, согласно Закону от 1992 года конкурсный управляющий не был подотчетен никаким регулирующим органам. Он отчитывался только перед комитетом кредиторов или перед индивидуальными кредиторами. Отношения между конкурсным управляющим и кредиторами (включая государство) регулировались нормами гражданского права, которые предусматривали персональную ответственность конкурсных управляющих перед кредиторами. Конкурсный управляющий не получал никакого государственного финансирования. Закон 1992 года не предполагал никакой специальной компенсации за незаконные действия конкурсного кредитора. Этот пробел был восполнен Законом 1998 года, наделявшим кредиторов правом требовать компенсации от конкурсного управляющего в случае, если незаконные действия последнего нанесли им какой-либо ущерб. Конкурсный управляющий мог быть привлечен к уголовной ответственности за такие преступления, как фальсификация или присвоение денежных средств, но не за такие уголовные преступления, которые могли быть совершены только государственными должностными лицами. Наконец, согласно Гражданскому процессуальному кодексу государство не несло никакой ответственности за действия конкурсного управляющего, однако он отвечал перед кредиторами.

(iii) Возражения

104. Хотя понятно, что законодательство о банкротстве того времени стремилось достичь справедливого баланса между всеми конкурирующими интересами, вовлеченными в дела о несостоятельности, *inter alia*, путем представления разных порядков очередности между кредиторами и установления справедливых процедур ликвидации, Большая палата полагает, что сам конкурсный управляющий не был обязан соблюдать этот баланс. По мнению Большой палаты, его задача больше походила на задачу любого другого частного предпринимателя, назначенного клиентами, — в данном случае кредиторами, — чтобы служить их и в конечном итоге своим собственным интересам. Как таковой сам факт того, что его услуги могли также быть общественно полезными, не превращает его в государственное должностное лицо, действующее в общественных интересах.

(iv) Полномочия

105. Конкурсный управляющий обладал весьма ограниченными полномочиями: он действительно был уполномочен управлять собственностью компании, но не обладал какими-либо регулятивными или распорядительными полномочиями в отношении третьих лиц. Отсутствовало также и официальное делегирование ему полномочий со стороны каких-либо государственных органов (и, как следствие, государственное финансирование). В отличие от судебного пристава конкурсный управляющий не мог арестовывать имущество, собирать информацию, налагать штрафы или принимать другие подобные решения в отношении третьих лиц. Его полномочия были ограничены оперативным контролем и управлением собственностью неплатежеспособной компании.

(v) Функции

106. Конкурсный управляющий является ключевым лицом в процессе ликвидации, и как таковой он может быть призван уплатить кредиторам, чьи претензии, как в настоящем деле, были утверждены определением суда. Поэтому его функции сходны с функциями судебного пристава, который, несомненно, является государственным должностным лицом. В самом деле, в большинстве европейских стран государственные должностные лица вовлечены в процедуры правоприменения и помогают выигравшим дело заявителям взыскать присужденные суммы, нанимая судебных приставов, полицейских или других похожих чиновников. В многочисленных случаях Суд находил, что пункт 1 статьи 6 и статья 1 Протокола № 1 к Конвенции предусматривают, что позитивные обязательства государства включают помочь частным лицам в исполнении постановлений суда против других частных лиц (см. постановления Европейского суда по делам «Фуклев против Украины» (*Fuklev v. Ukraine*), цит. выше, пункты 84 и 91; «Сколло против Италии» (*Scollo v. Italy*), цит. выше, пункт 44; «Фосиак против Румынии» (*Fociac v. Romania*), жалоба № 2577/02, пункт 70, от 3 февраля 2005 года; и «Кесян против России» (*Kesyan v. Russia*), цит. выше, пункты 79 и 80, от 19 октября 2006 года). Однако эти сходства не представляются решающими в свете значительных различий между функциями судебного пристава и конкурсного управляющего. Во-первых, судебные приставы должны выполнять постановления суда, а конкурсные управляющие имеют дела с разными видами претензий, включая такие, которые не получили законную силу через суд. Во-вторых, что более важно, судебные приставы в отличие от конкурсных управляющих наделены правом на принуждение, к тому же они назначаются, оплачиваются и контролируются компетентными государственными чиновниками. Поэтому в рамках осуществления банкротных процедур государство-ответчик оставило управление неплатежеспособной компанией в руках ее кредиторов и назначенных ими конкурсных управляющих, тогда как в рамках исполнительного производства оно предпочло действовать через собственных официальных лиц и нести прямую ответственность за их действия.

(vi) Выводы

107. Представляется, что в рассматриваемые периоды времени конкурсный управляющий обладал значительной оперативной и институциональной независимостью, государственные официальные лица не имели полномочий на то, чтобы давать ему инструкции, и поэтому не могли напрямую вмешиваться в процесс ликвидации как таковой. Вовлеченность государства в процедуры ликвидации вытекала только из его роли в установлении законодательных рамок таких процедур, определении функций и полномочий комитета кредиторов и конкурсного управляющего и надзоре за соблюдением правил. Из этого следует, что конкурсный управляющий не являлся государственным должностным лицом. Следовательно, государство-ответчик не может нести прямой ответственности за его противоправные действия, рассматриваемые в настоящем деле. Тот факт, что суд был уполномочен пересмотреть законность действий конкурсного управляющего, не повлиял на данный анализ.

108. Однако Суд должен также оценить, не нарушило ли государство-ответчик каких-либо позитивных обязательств в рамках настоящего дела.

2. Суть и рамки позитивных обязательств государства в контексте осуществления процедур несостоятельности (банкротства)

(а) Общие принципы

109. Суд неоднократно признавал, что статья 1 Протокола № 1 устанавливает, помимо прочего, и некоторые позитивные обязательства. Так, в деле «Онерылдыз против Турции» (*Öneryıldız v. Turkey*) [GC] (жалоба № 48939/99, пункт 134, ECHR 2004-XII), где рассматривалось уничтожение имущества заявителя в результате взрыва газа, Суд счел, что истинная, эффективная реализация права, защищенного статьей 1 Протокола № 1, не зависела только от обязанности государства не вмешиваться, но могла требовать позитивных средств защиты, особенно там, где была прямая связь между мерами, которые заявитель мог ожидать от властей в соответствии с законом, и его действительным обладанием собственностью. Фактор общественных интересов может иметь место даже в горизонтальных отношениях, что может налагать на государство определенные обязательства. Например, в деле «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*) [GC] (жалоба № 31443/96, пункт 143, ECHR 2004-V) Суд счел, что позитивные обязательства согласно статье 1 Протокола № 1 могут требовать от государства принятия мер по защите прав собственности.
110. Границы между позитивными и негативными обязательствами государства в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 не поддаются точному определению. Указанные принципы тем не менее похожи. Анализируется ли дело с точки зрения позитивной обязанности государства или с точки зрения вмешательства со стороны публичных властей, которое должно быть оправданным, применимые критерии не отличаются по существу. В обоих контекстах необходимо соблюдать справедливый баланс между конкурирующими интересами личности и общества в целом. Также верно, что средства, упомянутые в этом положении, могут иметь отношение к оценке того, достигнут ли баланс между требованиями общественных интересов и основным правом заявителя на собственность. В обоих контекстах государство пользуется определенной свободой усмотрения в определении необходимых мер для обеспечения соблюдения Конвенции (см., *mutatis mutandis*, решение Европейского суда по вопросу приемлемости жалобы № 36022/97 «Хэттон и др. против Соединенного Королевства» (*Hatton and others v. the United Kingdom*), пункты 98 и далее, ECHR 2003-VIII, и постановление Большой палаты по *Брониовски*, цит. выше, пункт 144).
111. Суть и рамки позитивных обязательств государства варьируются в зависимости от обстоятельств. Так, в деле Онерылдыза (цит. выше) потеря имущества заявителя стала результатом очевидной халатности властей перед лицом очень опасной ситуации. В противоположность этому, когда речь идет о стандартных экономических отношениях между частными сторонами, такие позитивные обязательства гораздо более ограниченны. Так, Суд неоднократно подчеркивал, что статья 1 Протокола № 1 к Конвенции не может толковаться как налагающая на страны — участников договора какие-либо обязательства общего характера по уплате долгов частных лиц (см. вышеуказанное постановление Европейского суда по делу «Шестаков против России» и вышеуказанное постановление Европейского суда по делу «Сколло против Италии», пункт 44; в особенности см. основания для решения

Европейского суда по вопросу приемлемости жалобы № 25867/02 «Анохин против России» (*Anokhin v. Russia*) от 31 мая 2007 года).

112. Однако Суд также признает, что в определенных обстоятельствах статья 1 Протокола № 1 может требовать «принятия мер, необходимых для защиты права собственности... даже в случае с судебными исками между физическими лицами или компаниями» (вышеуказанное постановление Европейского суда по делу «Совтрансавто Холдинг» против Украины», пункт 96). Этот принцип широко применялся в контексте обращения взыскания на имущество частных лиц в рамках исполнительного производства (см. вышеуказанные постановления Европейского суда по делам «Фуклев против Украины», пункты 89–91; «Кесян против России», пункты 79–80; см. также постановления Европейского суда по делам «Кин-Стиб и Майкич против Сербии» (*Kin-Stib and Majkić v. Serbia*), жалоба № 12312/05, пункт 84, от 20 апреля 2010 года; «Маркич и др. против Сербии» (*Marčić and others v. Serbia*), жалоба № 17556/05, пункт 56, от 30 октября 2007 года; и, *mutatis mutandis*, постановление Европейского суда от 31 марта 2005 года «Матье против Франции» (*Matheus v. France*), жалоба № 62740/00, пункты 68 и далее).
113. В деле «Блумберг против Латвии» (*Blumberga v. Latvia*) (жалоба № 70930/01, пункт 67, от 14 октября 2008 года) Суд отметил:

«Когда вмешательство в право беспрепятственного пользования имуществом совершается частным лицом, возникает позитивное обязательство государства обеспечить в национальной правовой системе достаточную защищенность прав собственности законом и наличие адекватных способов правовой защиты, с помощью которых потерпевший от вмешательства мог бы отстоять свои права, включая, где это уместно, требование возмещения убытков в отношении любого причиненного ущерба».

Из этого следует, что в данном контексте от государства может потребоваться принять превентивные меры или меры, касающиеся средств судебной защиты.

114. Меры, касающиеся средств судебной защиты, которые в определенных обстоятельствах могут потребоваться от государства, включают соответствующий правовой механизм, позволяющий потерпевшей стороне эффективно защищать свои права. Хотя статья 1 Протокола № 1 не содержит прямо выраженных процедурных требований, существование процессуальных позитивных обязательств в соответствии с данным положением было признано Судом как в делах с участием государственных должностных лиц (см. постановление Европейского суда по делу «Йокела против Финляндии» (*Jokela v. Finland*), жалоба № 28856/95, пункт 45, ECHR 2002-IV; см. также постановление Европейского суда от 16 июля 2009 года по делу «Цехентнер против Австрии» (*Zehentner v. Austria*), жалоба № 20082/02, пункт 73), так и в делах исключительно между частными сторонами (как настоящее дело). Например, в делах, принадлежащих к последней категории, Суд установил, что государства обязаны обеспечивать порядок судопроизводства, предоставляющий необходимые процессуальные гарантии и таким образом предоставляющий национальным судам и трибуналам возможность эффективно и справедливо разрешать любые споры между частными сторонами (вышеуказанное постановление Европейского суда по делу «Совтрансавто Холдинг» против

Украины», пункт 96; см. также постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Анхойзер-Буш Инк.» против Португалии» (*Anheuser-Busch Inc. v. Portugal*), жалоба № 73049/01, пункт 83, ECHR 2007-I, и постановление Европейского суда от 19 июля 2007 года по делу «Фрайтаг против Германии» (*Freitag v. Germany*), жалоба № 71440/01, пункт 54).

115. Наконец, Суд напоминает, что, оценивая соответствие со статьей 1 Протокола № 1, он должен всесторонне изучить различные интересы в рамках данного дела, учитывая тот факт, что Конвенция создана для защиты практических и действительных прав. Он должен исследовать реалии ситуации, на которую поступила жалоба (см. вышеуказанное постановление Европейского суда по делу «Плеханов против Польши», пункт 101).

(6) Применение указанных принципов к настоящему делу

116. Суд отмечает, что заявитель потерпел существенные убытки в результате преднамеренных неправомерных действий конкурсного управляющего. Это подтвердили российские суды. Однако Суд напоминает, что государство не несет прямой ответственности за долги частных компаний или ошибки, допущенные их управляющими (или, как в данном случае, конкурсными управляющими). В настоящем деле, внося свои средства в частный банк, заявитель шел на некоторые риски, включая риски, связанные со служебными злоупотреблениями и даже фальсификацией. Отсюда следует, что нести гражданскую ответственность за неправомерные действия конкурсного управляющего должно вовсе не государство.
117. Однако Суд отмечает, что в данном случае правонарушения конкурсного управляющего были серьезными и повлекли за собой значительные претензии, признанные национальными судами. Больше того, они произошли в той области, где пренебрежение государства к борьбе с неудовлетворительной работой и фальсификациями могло повлечь разрушительные последствия для экономики страны, влияя таким образом на большое число индивидуальных прав собственности. Ввиду этих обстоятельств Суд полагает, что часть обязанностей государства в соответствии со статьей 1 Протокола № 1 заключается в том, чтобы по меньшей мере установить минимальный правовой механизм, включая надлежащее место урегулирования спора, где лица, оказавшиеся в такой же ситуации, как и заявитель, могли бы эффективно отстоять свои права и добиться их исполнения. В самом деле, не выполнив этого, государство серьезно нарушит свои обязательства по защите законности и предупреждению самоуправства. Поэтому Суд оценит, справилось ли государство-ответчик со своими обязанностями в рамках данного дела путем предоставления заявителю законных путей для того, чтобы отстоять свои права, и создания соответствующего места урегулирования спора.
118. Что касается превентивных мер, которые могли бы потребоваться от государства, Суд напоминает, что в рамках данного дела у него нет юрисдикции *ratione temporis* для оценки действий, предпринятых государством, чтобы избежать незаконного распределения банковских активов конкурсным управляющим в 1996 году, поскольку Конвенция вступила в силу в отношении России только 5 мая 1998 года. Однако Суд может выяснить, имелись ли в 1998 и 1999 годах какие-либо механиз-

мы правовой защиты, способные исправить ущерб, нанесенный заявителю неправомерными действиями конкурсного управляющего, и, если такие механизмы существовали, почему они не сработали в деле заявителя.

(i) Существование адекватных средств правовой защиты

(a) Требование в отношении банка

119. Суд отмечает, что заявитель дважды пытался восстановить свои права. В 1998 году он начал процесс против конкурсного управляющего как управляющего банком, опираясь на положения Закона о банкротстве, который предусматривал судебный надзор за действиями конкурсного управляющего (см. выше, пункт 46). В окончательном постановлении от 12 ноября 1998 года Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа удовлетворил его претензии и обязал конкурсного управляющего выплатить причитающиеся заявителю суммы. Однако это постановление не было исполнено, поскольку распределение средств между «привилегированными» кредиторами оставило банк практически без активов, а новых активов обнаружено не было. Таким образом, это средство правовой защиты оказалось неэффективным и не помогло возместить нанесенный заявителю ущерб. Следовательно, единственным оставшимся путем был деликтный иск о возмещении конкурсным управляющим причиненного ущерба.

(б) Деликтный иск против конкурсного управляющего

120. Стороны сходятся в том, что заявитель мог подать иск к конкурсному управляющему о возмещении причиненного ущерба. Это могло быть сделано в соответствии с общими положениями российского деликтного права. Суд отмечает, что до 1998 года не существовало специальных правовых норм, устанавливающих персональную ответственность конкурсного управляющего за ненадлежащее осуществление своих профессиональных обязанностей или же сложившейся единообразной судебной практики по данному вопросу. Ситуация изменилась с принятием в 1998 году Закона о банкротстве, предусмотревшего в статье 21 (3) право кредиторов взыскать с конкурсного управляющего компенсацию за любой ущерб, нанесенный его незаконными действиями или бездействием. Однако Суд готов принять аргумент Властей, что статья 21 Закона от 1998 года не вводила персональной ответственности конкурсного управляющего в российское законодательство, а только утверждала ее существование. Из этого следует, что в то время российское законодательство предполагало, по крайней мере, теоретическую возможность подачи иска о возмещении ущерба против конкурсного управляющего. Теперь Суд должен рассмотреть, было ли это средство правовой защиты эффективным в обстоятельствах данного дела.

(ii) Эффективность существующих средств правовой защиты

121. Власти заявили, что закон наделял потерпевшего кредитора правом взыскать компенсацию с конкурсного управляющего персонально, но заявитель не сделал этого по двум причинам. Во-первых, обратившись в арбитражный суд вместо суда общей юрисдикции, заявитель подал иск не в тот суд. В подтверждение этого аргумента Власти ссылаются на постановление Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 апре-

ля 2001 года. Во-вторых, заявитель представил свою жалобу преждевременно, до завершения процедуры банкротства.

(а) О том, обратился ли заявитель в компетентный суд

122. По вопросу о том, подал ли заявитель иск в компетентный суд, Суд признает, что национальные суды более компетентны в толковании национальных законов. В этой связи Суд отмечает, что оба дела против конкурсного управляющего, завершившиеся в 1998 и 1999 годах соответственно, рассматривались арбитражными судами. Однако в 2001 году Высший Арбитражный Суд РФ отменил результаты судебного разбирательства, имевшего место в 1999 году, на том основании, что поскольку заявитель требовал возмещения вреда от конкурсного управляющего лично, а не в связи с осуществлением им функций управляющего банком, его требования должны были рассматриваться судом общей юрисдикции. Суд не убежден, что в обстоятельствах данного дела заявитель мог знать, что его дело было подведомственно судам общей юрисдикции.
123. Гражданко-процессуальный кодекс в то время предусматривал, что имущественные споры между физическими лицами и компаниями подведомственны судам общей юрисдикции (см. выше, пункт 52). Однако Законы о банкротстве 1992 и 1998 годов, так же как и Арбитражный процессуальный кодекс и Закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» 1999 года (содержащий нормы *lex specialis*), устанавливали другую норму, согласно которой все требования, связанные с осуществлением процедур банкротства, подпадают под юрисдикцию арбитражных судов (см. выше пункты 53 и далее). Ни один из этих законов не устанавливал различий между требованиями к конкурсным управляющим, действующим в качестве управляющих компаний, находящейся в банкротстве, и выступающим в качестве индивидуальных правонарушителей.
124. Более того, Власти не ссылаются на какую-либо сложившуюся единообразную судебную практику, которая могла бы подтвердить существование такого различия в российском законодательстве. Власти цитируют постановление Конституционного Суда от 12 марта 2001 года № 4-П. Однако это постановление датировано более поздним числом, чем рассматриваемые события. Более того, Конституционный Суд только постановил, что, если арбитражный суд отказывается рассматривать жалобу индивидуального кредитора из-за отсутствия юрисдикции, такие кредиторы могут обратиться в суды общей юрисдикции. В то же время Конституционный Суд подчеркивает, что положения Закона о неплатежеспособности не содержали «пункт, не позволявший арбитражным судам выносить постановления, уполномочивающие заинтересованные лица в полной мере пользоваться своим правом на судебную защиту в контексте процедур неплатежеспособности».
125. Наконец, Суд отмечает, что если заявитель и ошибся, то это не было очевидно ни сторонам, ни представителю Центрального банка России, участвовавшему в разбирательствах 1999 года. Больше того, арбитражные суды всех трех инстанций сочли, что обладают юрисдикцией для слушания дела. Лишь в 2001 году в рамках надзорного порядка пересмотра судебных приговоров было обнаружено «юрисдикционное» основание, которое последовало за коммуницированием жалобы

Властям, в результате чего все предыдущие решения арбитражных судов (от 4 февраля, 31 марта и 9 июня 1999 года) были отменены.

126. Из этого следует, что правила подведомственности в указанный период времени были неясными, и заявитель действовал разумно, обратившись со своим делом в суд, который предположительно обладал соответствующей юрисдикцией. В этих обстоятельствах Суд полагает, что от заявителя нельзя было ожидать обращения с иском в другой суд в результате отмены судебных решений, вынесенных в 1999 году, в результате их пересмотра в надзорном порядке в 2001 году. Когда заявитель подавал исковое заявление в Суд, он имел все основания полагать, что он использует надлежащее средство правовой защиты и что постановление суда кассационной инстанции от 9 июня 1999 года является окончательным судебным актом по его делу. Таким образом, обращение заявителя в суд, не обладавший компетенцией на рассмотрение его спора, нельзя вменять ему в вину.

(6) О том, было ли начатое заявителем разбирательство преждевременным

127. Власти заявили, что претензии заявителя не были удовлетворены, поскольку процесс ликвидации все еще продолжался. Пока банк существовал, сохранялась возможность выплаты первоначальной суммы компенсации из оставшихся активов банка. Поэтому если бы суды присудили заявителю компенсацию, то он получил бы право взыскать одну и ту же сумму дважды, как с банка, так и с конкурсного управляющего (аргумент «двойного возмещения»). Однако после завершения процедуры ликвидации заявитель имел право начать дальнейшее разбирательство и требоватьенной компенсации. Власти предположили, что заявитель лишь временно не мог взыскать компенсацию с конкурсного управляющего в период осуществления процедуры ликвидации. Чтобы изучить этот аргумент, Суд рассмотрит обоснования, содержащиеся в решениях национальных судов, вынесенных в рамках разбирательств 1999 года.

128. Большая палата отмечает, что постановление суда кассационной инстанции от 9 июня 1999 года явно опиралось на аргумент «двойного возмещения». По сути, начиная с 17 июня 1999 года (даты утверждения ликвидационного баланса банка арбитражным судом) у заявителя была возможность подать деликтный иск против конкурсного управляющего, вменяя ему в вину халатность и нарушение обязанностей при осуществлении своих обязанностей. Однако заявитель не использовал это средство правовой защиты по причинам, которые остаются неизвестными. Какими бы они ни были, в постановлении от 9 июня 1999 года не содержалось правовых доводов, которые бы позволили заявителю предъявить иск к конкурсному управляющему по окончании процедуры ликвидации.

129. По мнению Суда, аргумент «двойного возмещения», на который опирались национальные суды, имеет определенное значение. Если бы заявитель выиграл дело против конкурсного управляющего и затем взыскал бы исходную присужденную компенсацию с банка, он получил бы двойное возмещение за один и тот же причиненный имущественный ущерб. Отсюда следует, что отказ суда рассматривать претензии заявителя к конкурсному управляющему до завершения процедуры ликвидации имел разумное основание. Даже если бы, ввиду обстоятельств дела, возможность получения исходной компенсации от банка была отдаленной, общий

подход, примененный судом в постановлении от 9 июня 1999 года, не может быть отклонен как не имеющий рационального объяснения.

130. Как известно, этот подход состоял в том, что потерпевшему кредитору необходимо ждать прекращения существования компании-должника для того, чтобы иметь возможность предъявить требование о возмещении убытков к конкурсному управляющему. Однако Суд отмечает, что в дела, возникающих из индивидуальных заявлений, задача Суда состоит не в абстрактном анализе национального законодательства, а в рассмотрении вопросов, поднятых в конкретном деле (см., *mutatis mutandis*, среди многих других прецедентов, постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Таске против Бельгии» (*Taxquet v. Belgium*) (жалоба № 926/05, пункт 83, ECHR-2010). В данном деле банк был ликвидирован 17 июня 1999 года, то есть через восемь дней после вынесения постановления суда кассационной инстанции по иску заявителя к конкурсному управляющему. По большому счету между тем, как заявитель узнал об отсутствии у банка активов, за счет которых можно было бы получить присужденную заявителю решением от 12 ноября 1998 года компенсацию, до даты, когда стало возможно предъявить иск к конкурсному управляющему о возмещении причиненного вреда, прошел небольшой период времени.
131. Кроме того, Суд напоминает, что пределы свободы усмотрения, доступные законодателю при реализации социальной и экономической политики, должны быть широкими (см. среди многих других прецедентов постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Ян и другие против Германии» (*Jahn and others v. Germany*) (жалобы № 46720/99, 72203/01 и 72552/01, пункт 91, ECHR 2005-VI), особенно в ситуации, когда, как и в настоящем деле, государство должно учитывать конкурирующие частные интересы в горизонтальных отношениях в такой области, как процедуры банкротства.
132. Закон предусматривал «отложенное» компенсационное средство правовой защиты, но когда оно стало доступно, заявитель его не использовал. Учитывая, что невозможность взыскать компенсацию с конкурсного управляющего была ограниченной по продолжительности и существовала только на время процедур по признанию неплатежеспособности и в отсутствие каких-либо аргументов заявителя о ее чрезмерности в данных обстоятельствах, Суд полагает, что такое ограничение не могло повлиять на права заявителя согласно статье 1 Протокола № 1 и оставалось в пределах свободы усмотрения государства.
133. Из этого следует, что правовая среда, созданная государством, предоставляла возможность заявителю защищать свои права в соответствии со статьей 1 Протокола № 1. Вследствие этого Суд находит, что государство выполняло свои позитивные обязательства в соответствии с этим положением. В свете всего вышеперечисленного не обязательно рассматривать первоначальное возражение Властей отдельно.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД:

1. *Приобщил к существу дела* первоначальные возражения Властей о неисчерпании внутренних средств защиты.

2. *Постановил* 16 голосами против одного, что Суд обладает юрисдикцией *ratione temporis* для рассмотрения жалоб заявителя в части, касающейся судебного разбирательства по делу, которое проходило в 1998 и 1999 годах.
3. *Постановил* 12 голосами против пяти, что по настоящему делу отсутствовало нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции, а также что целесообразность принятия во внимание первоначального возражения Властей отсутствует.

Совершено на английском и французском языках, оглашено на публичном слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 3 апреля 2012 года.

Председатель Николас Братца

Заместитель секретаря секции Йохан Каллеверт

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к данному постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (а) совпадающее мнение судьи Братца;
- (б) частично расходящееся мнение судьи Гюлумян;
- (в) расходящееся мнение судей Лоренсена, Фура, Поповича, Малинверни и Раймонди.

Совпадающее мнение судьи Братца

С некоторыми сомнениями я проголосовал за вывод о том, что права заявителя по статье 1 Протокола № 1 в настоящем деле нарушены не были. Мои сомнения относятся не к вопросу о том, следует ли рассматривать конкурсного управляющего как государственное должностное лицо или о природе и объеме позитивных обязательств Властей в рамках процедуры банкротства, по каждому из этих пунктов я полностью разделяю мнение большинства Суда, а к вопросу о том, были ли данные позитивные обязательства соблюдены в обстоятельствах настоящего дела.

Позитивные обязательства по статье 1 Протокола № 1 были истолкованы в деле «Совтрансавто Холдинг» против Украины» (*Sovtransavto Holding v. Ukraine*) (жалоба № 48553/99, ECHR 2002-VII) как означающие, в частности, что государства обязаны обеспечивать соблюдение необходимых процессуальных гарантий во время судебных разбирательств и таким образом способствовать эффективному и справедливому разрешению любых споров между частными лицами национальными судами и судебными органами, включая, как в данном случае, требования о возмещении в виде компенсации суммы, причитающейся заявителю. Суть требования заключается не только в существовании законодательной базы, но и в такой степени ясности и внутренней непротиворечивости в законах и процедурах, подлежащих соблюдению, которая позволила бы избежать, насколько это возможно, неопределенности и двусмысленности в законах для участников данных разбирательств. В самом деле «Совтрансавто Холдинг» против Украины» именно разница в подходе судов различных инстанций к применению и толкованию национального законодательства сделала возможным неоднократное возобновление производства по делу и создавала постоянную неопределенность в вопросе законности рассматриваемых решений, что частично привело к выводу Суда о том, что статья 1 Протокола № 1 была нарушена.

В деле «Плеханов против Польши» (*Plechanow v. Poland*) (жалоба № 22279/04, от 7 июля 2009 года) нарушение состояло в отсутствии ясности в вопросе определения соответствующего органа власти, подлежащего судебному преследованию, после фундаментальных изменений в компетенции различных органов власти на местном и государственном административных уровнях, с последующим переходом к заявителю обязанности назначить правильного ответчика по делу, что Суд посчитал несоразмерным и нарушающим справедливый баланс в нарушение статьи 1 Протокола № 1.

Без сомнения, в настоящем деле отсутствовала ясность и в вопросе, следовало ли — и если следовало, когда — предъявить требование о компенсации конкурсному управляющему за неправильное урегулирование претензий кредиторов банка, и в вопросе, следовало ли подавать подобные жалобы в арбитражный суд или суды общей юрисдикции.

Я не придаю большого значения последнему вопросу или тому факту, что в порядке надзорного производства Высший Арбитражный Суд РФ пришел к выводу, что спор между заявителем и конкурсным управляющим не относится к процедуре банкротства как таковой и должен был рассматриваться в судах общей юрисдик-

ции. Как отмечается в постановлении, не только стороны, принимавшие участие в производстве в 1999 году, и представитель Центрального банка РФ, по-видимому, разделяли мнение заявителя о том, что дело было возбуждено в надлежащем суде, но и сами арбитражные суды в трех инстанциях полагали, что обладают юрисдикцией проводить слушания по данному делу. Если бы окончательное решение Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа было принято в пользу заявителя или отменено в порядке надзора, вполне мог возникнуть вопрос по Протоколу. Но этого не произошло, так как жалоба заявителя была отклонена в каждой из трех инстанций.

Основной вопрос заключается в том, была ли правовая ситуация, проанализированная арбитражными судами, настолько неопределенной, что это лишало заявителя эффективной защиты его имущественных прав. Постановление суда апелляционной инстанции от 31 марта 1999 года, отклоняющее иск заявителя к конкурсному управляющему, имело под собой два основания: риск «двойного возмещения убытков», если требования о компенсации предъявлены конкурсному управляющему в рамках неоконченной процедуры ликвидации, и то обстоятельство, что Закон о банкротстве распространяется только на требования, возникающие в период работы банка, а не на требования, возникающие во время процедуры банкротства. Однако, как указано в постановлении, только довод о «двойном взыскании убытков» был открыто оставлен в силе Федеральным арбитражным судом Северо-Кавказского округа в его постановлении от 9 июня 1999 года. Я не нахожу данное решение произвольным или необоснованным (см. решение Европейского суда от 29 ноября 2011 года по вопросу приемлемости жалобы № 48407/07 «ОБГ Лтд.» и другие против Соединенного Королевства» (*OBG Ltd. and others v. the United Kingdom*), пункт 90).

Также я не нахожу необоснованным заключение арбитражных судов о том, что законом не предусматривается возмещение морального вреда. Правовая ситуация могла быть неясной до решения Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. Это вряд ли может показаться удивительным, если принимать во внимание тот факт, что решения принимались в то время, когда закон о банкротстве и процедура банкротства находились на стадии разработки и развития. Однако в целом я не нахожу подобную правовую или процессуальную неопределенность в настоящем деле достаточной для лишения заявителя эффективной защиты его имущественных прав, тем более что у заявителя была возможность возбуждать новые дела против конкурсного управляющего, когда производство по ликвидации банка было официально закрыто, что произошло вскоре после постановления от 9 июня 1999 года.

Частично расходящееся мнение судьи Гюлумян

Я не согласна с мнением большинства о том, что в компетенцию Суда входило рассмотрение настоящего дела *ratione temporis*.

Суд неоднократно постановлял, что в делах, где вмешательство предшествует ратификации, в то время как отказ устранить его следует за ратификацией, сохранение

даты последнего действия в определении временной юрисдикции Суда приведет к тому, что требования Конвенции станут обязательными для данного государства в отношении событий, произошедших до того, как Конвенция вступила в силу в отношении данного государства (см., среди других прецедентов, постановление Большой палаты Европейского суда по делу «Блечич против Хорватии» (*Blečić v. Croatia*), жалоба № 59532/00, пункт 70, ECHR 2006-III).

Суд также постановил, что «расхождение между решениями национальных судов» и событиями, послужившими причиной для начала соответствующего производства, привело бы к возникновению обратной силы в отношении Конвенции, что противоречит общим принципам международного права (см. решение Европейского суда от 28 февраля 2002 года по вопросу приемлемости жалобы № 59109/00 «Джованович против Хорватии» (*Jovanović v. Croatia*). В настоящем деле вмешательство в «собственность» заявителя произошло в 1996 году, когда конкурсный управляющий забрал денежные средства, предназначенные заявителю, и выплатил их кредиторам, которые имели на это право. Это было однократным действием, произошедшим до того, как Конвенция вступила в силу в отношении России (5 мая 1998 года). Возможно, в данных обстоятельствах заявитель имел право предъявить требование о возмещении ущерба лично конкурсному управляющему. Я признаю, что данное требование существовало в законодательстве Российской Федерации в то время — по крайней мере так было заявлено Властями в их замечаниях. Однако по изучению постановлений 1999 года у меня создалось впечатление, что национальные суды не были уверены в существовании данного права. Следовательно, сущность настоящего дела заключается не в производстве 1999 года, а в материально-правовом законодательстве, действовавшем в период вмешательства, а именно в 1996 году. Возможно, законодательство было недостаточно ясным, и действия заявителя против конкурсного управляющего в 1999 году были обречены на неудачу. В любом случае вопрос о предполагаемой недостаточности материально-правовых норм, существовавших в 1996 году, не входит в юрисдикцию Суда *ratione temporis*.

Расходящееся мнение судей Лоренсена, Фура, Поповича, Малинверни и Раймонди

В настоящем деле большинство проголосовало за тот вывод, что нарушения статьи 1 Протокола № 1 не было, так как был сделан вывод о том, что государство не нарушило своих позитивных обязательств по данной статье. Мы не можем согласиться с данным заключением по следующим причинам.

Как указано в постановлении, Суд в своей прецедентной практике определил, что статья 1 Протокола № 1 может требовать «мер, которые необходимы для защиты имущественных прав... даже в случаях, включающих в себя судебный процесс между частными лицами или компаниями» (пункт 112) и что государство имеет позитивное обязательство также в отношении вмешательства частных лиц с целью «обеспечить, чтобы имущественные права в достаточной мере защищались законом и чтобы имелись надлежащие средства правовой защиты, прибегнув

к которым пострадавший от вмешательства мог бы добиться восстановления своих прав, включая, где необходимо, требования о компенсации любых издержек» (пункт 113). Более того, Суд постановил, что, несмотря на то что статья 1 Протокола № 1 не содержит четких процессуальных требований, государства обязаны обеспечивать соблюдение «необходимых процессуальных гарантий во время судебных разбирательств и, таким образом, способствовать эффективному и справедливому разрешению любых споров между частными лицами, национальными судами и судебными органами» (пункт 114).

Настоящее постановление подтвердило эти выводы, и мы не можем не согласиться с данным заключением. Мы также согласны с пунктом о том, что в обстоятельствах дела, подобного настоящему, государство обязано по статье 1 Протокола № 1 «по крайней мере устанавливать минимальную законодательную базу, включая должный суд, позволяющий лицам, оказавшимся в ситуации, подобной ситуации заявителя, заявить о своих правах и добиться их соблюдения» (пункт 117).

Далее в постановлении было указано, что в законодательстве Российской Федерации в период рассматриваемых событий единственным путем, подлежащим рассмотрению, был деликтный иск о возмещении ущерба, нанесенного конкурсным управляющим. Заявитель действительно совершил попытку получить компенсацию от конкурсного управляющего и решил продолжить производство по своей жалобе в арбитражных судах. Однако иск был отклонен как необоснованный. Только после того, как жалоба в Суд была коммуницирована Властям, постановления тех судов были отменены по причине недостаточной юрисдикции. Как и большинство, мы можем лишь заключить, что заявитель, в обстоятельствах данного дела, мог не быть осведомлен о компетенции судов общей юрисдикции рассматривать его дело (пункт 122), что правила юрисдикции соответствующих судов были на тот момент неясными и что заявитель поступил разумно, обратившись со своим делом в суд, который, по-видимому, обладал юрисдикцией (пункт 126).

Несмотря на все вышесказанное, большинство постановило, что возбуждение заявителем дела являлось преждевременным и что после того, как банк был окончательно ликвидирован в июне 1999 года, ему следовало воспользоваться возможностью возбудить дело против конкурсного управляющего в связи с его халатностью в судах общей юрисдикции. В этом отношении мы не согласны с большинством.

Даже если теоретически заявитель мог подать деликтный иск против конкурсного управляющего в судах общей юрисдикции, правовая ситуация была, по нашему мнению, настолько неясной, что это лишило бы его какого-либо действительного возмещения по жалобам. Большинство, по-видимому, придало существенное значение аргументу о «двойном возмещении убытков», на котором основывалось постановление от 9 июня 1999 года. Кроме того факта, что ни один из арбитражных судов не указал, что заявитель мог или должен был предъявить конкурсному управляющему иск в судах общей юрисдикции, аргумент о «двойном возмещении убытков» был не единственным, которым руководствовались арбитражные суды. Сами Власти признали, что для отклонения деликтного иска заявителя существовали и другие причины.

Таким образом, в постановлении суда апелляционной инстанции от 31 марта 1999 года указывалось, что в соответствии с Законом о банкротстве требования кредиторов не должны были быть удовлетворены в случае, если они возникли не во время работы банка, а во время процедуры банкротства. Апелляционный суд, таким образом, не делал различий между первоначальным долгом банка и личной ответственностью конкурсного управляющего по иску. Таким образом, он освободил конкурсного управляющего от какой-либо ответственности за его поведение, даже если законом, как пояснили Власти, была предусмотрена такая ответственность. Несмотря на то, что кассационный суд в своем постановлении от 9 июня 1999 года основывался на аргументе о «двойном возмещении убытков», он оставил постановление суда апелляционной инстанции без изменений, открыто заявив, что нет причин, по которым оно могло быть изменено. В этих обстоятельствах и принимая во внимание неясную правовую ситуацию на тот момент, предполагалось, что заявитель должен считать, что его жалоба была отклонена по существу, а не из-за ее преждевременности и что, таким образом, его дело было закрыто. Это, по нашему мнению, далее подтверждается тем фактом, что только после того, как жалоба в Суд была коммуницирована Властям, было установлено, что арбитражные суды не обладают юрисдикцией рассматривать иск против конкурсного управляющего.

Более того, кроме первоначально присужденной судом суммы, заявитель требовал компенсации морального вреда и потери времени. Однако суды постановили, что законом не предусматривалось какой-либо подобной компенсации, и отклонили его жалобы. Таким образом, по-видимому, какова бы ни была вина конкурсного управляющего, его ответственность в любом случае ограничивается суммой первоначального долга. Власти не предоставили никакой информации по прецедентной практике, которая позволила бы Суду принять иное решение. Это поставило пострадавшего кредитора в очень неблагоприятное положение, в особенности учитывая безудержную инфляцию, существовавшую в Российской Федерации в период рассматриваемых событий, в сочетании с тем фактом, что ему пришлось ждать окончательного завершения ликвидации после длительной процедуры банкротства.

Основываясь на вышесказанном, мы можем только утверждать, что законами Российской Федерации в соответствующее время не предусматривалось законодательной базы для защиты прав заявителя по статье 1 Протокола № 1. Следовательно, мы приходим к выводу, что государство-ответчик не выполнило своих позитивных обязательств по статье, требования которой соответственно были нарушены.